

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Самые страшные каникулы

Елена Арсеньева

Большая книга ужасов

Елена Арсеньева

**Большая книга ужасов. Самые
страшные каникулы (сборник)**

«Елена Арсеньева»

2014

Арсеньева Е. А.

Большая книга ужасов. Самые страшные каникулы (сборник) /
Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева», 2014 — (Большая книга
ужасов)

ISBN 978-5-699-71406-3

«День без тьмы» Зойка Семенова и не заметила, как вляпалась в жуткую историю. Это она-то, всю жизнь считавшая, что «бояться – стыдно!». Сначала на их этаже появились новые жильцы – папа с сыном-подростком. Вроде бы вполне обычные, но какие-то бледные, словно блеклые. Затем Зойка подобрала на лестнице драгоценный медальон. Вещица принадлежала новому соседу – и девочка, конечно, вернула бы ее хозяину, если бы тот вдруг не исчез. Спустя несколько часов за Зойкой начали охоту непонятные существа, которых никто, кроме нее, не видит... «Остров потерянных душ» Весь мир утонул в тумане. Валерка сидел на старой пристани, вглядываясь в густую белую пелену... Вдруг он услышал странный разговор, а затем увидел оставленную без присмотра лодку. Куда делся ее хозяин? И кто вообще осмелится плавать по реке в такую погоду?! Решив найти ответы на эти вопросы, мальчишка узнал: происходит нечто очень серьезное. Во время тумана рядом с их городом исчезают люди, и спецслужбам пока не удалось отыскать никаких следов пропавших. Валерка боится, что знает, кто может исчезнуть следующим... «Ночь на французском кладбище» Это тихое место совсем не казалось страшным, оно было больше похоже на сад, чем на кладбище. Густые деревья, старинные мраморные плиты, вазоны с изящными каменными цветами... Это даже расстроило Юлечку, которая обожала страшилки. Впрочем, расстроило не сильно, ведь летние каникулы во Франции – мечта любого подростка! Юля осматривала достопримечательности, общалась с подругами, знакомилась с местными ребятами и прекрасно проводила время. Она не догадывалась, что призраки старого кладбища уже обратили на нее свое внимание... «Брат чудовища» Как такое вообще могло случиться? Мгновение назад Володя сидел рядом с дедом

в вертолете... а теперь стоит посреди густой, непроходимой чащи одинешенек! И совершенно не представляет, что делать, куда идти. А тайга вокруг шепчет на тысячу голосов, деревья тянут к нежданному гостю колючие хищные лапы, и горят тревожным желтым огнем глаза зверя, скрытого лесными тенями... Кажется, Володе предстоит испытание посложней, чем школьные экзамены!

ISBN 978-5-699-71406-3

© Арсеньева Е. А., 2014

© Елена Арсеньева, 2014

Содержание

День без тьмы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Арсеньева

Большая книга ужасов.

Самые страшные каникулы

День без тьмы

...Иногда навестить Зойку является Зверопалый. По ночам топчется под окнами. Хоть Зойка живет на шестом этаже, она отчетливо слышит, как незванный гость царапает траву на газоне и как зверопальцы жадно урчат и чавкают, пожирая эту траву и мусор.

Наверное, дворник удивляется потом, кто и зачем повыдрал траву. Может, даже сердится.

А может, и нет, потому что конфетные фантики, бумажки от жевательной резинки, фольга от чипсов, пластиковые пакеты, окурки, смятые сигаретные пачки исчезают, как будто именно это место кто-нибудь старательно вымел.

Само собой, Зойка не высовывается из окошка, чтобы дружески помахать Зверопалому. Она вообще окно закрывает. Неохота, чтобы с Чертополоха на верхней левой лапе снялась пчела и облобызала Зойку в обе щеки. Можно представить, какое потом станет личико после таких лобызаний!

Нет уж, лучше не надо новых встреч. Вполне хватило того, что было.

Впрочем, Зверопалый не в обиде, что Зойка не хочет с ним общаться. Он пришел, выразил свою горячую благодарность за то, что она однажды спасла ему, если так можно выразиться, жизнь, – и уходит, чтобы когда-нибудь прийти вновь.

Зойка не знает, каким образом он добирается *оттуда*, и знать не хочет. Просто надеется, что однажды он уйдет – и не вернется.

Нет, возвращается!

Но явления Зверопалого – это еще ничего.

Бывает хуже.

Например, иногда, выйдя на лестничную площадку, Зойка видит, что из потолка сочится красноватая жидкость, похожая на кровь. И капает на грязный пол с легким звоном-перезвоном, образуя небольшую аккуратную лужицу.

Ясное дело, Зойка не бежит за тряпкой, чтобы ее подтереть. И уборщице тоже не придется трудиться. Эта кровавая лужица очень скоро исчезнет сама собой, да и пока она есть, ее никто не способен разглядеть, кроме Зойки.

Таким образом ей напоминает о себе Кость. О себе, обо всех прочих *своих*. О битве, которая так и не закончилась победой, и не ясно, кончится ли вообще. Напоминает и о том, что сделала Зойка...

При виде лужицы она сначала плакала, а теперь только вздыхает, хмурится и спешит пройти мимо.

Зачем Кость старается? Ни к чему все его усилия. Зойка и так никогда его не забудет.

И все-таки *там* она не могла поступить иначе!

* * *

Однажды Зойкина мама сказала, что квартиру на их этаже – как раз напротив! – купили новые жильцы, вроде интеллигентные люди.

Зойка уже видела мельком новых соседей.

Может, они были и интеллигентные, только очень уж невзрачные. Какие-то тусклые. Что отец, что сын. И однообразные, как фонарные столбы. Среднего роста, светловолосые, светлоглазые. Глаза и волосы были не то серые, не то белесые, не то песочного цвета.

– Фамилия их Константиновы, – добавила мама. – Хозяина зовут Константин Константинович, мальчика – Костя. Он тоже, значит, Константин Константинович.

Зойка фыркнула.

– А их мать умерла, – строго добавила мама, и Зойка примолкла.

Мама как-то умудрялась все про соседей знать, хотя на лавочке у подъезда вместе со старушками не сидела. Может, потому, что ни старушек, ни лавочки там просто не было. И некогда маме было рассиживаться на лавочках – она работала!

Зойкина мама работала в страховой компании – в отделе расследований. Они там вечно докапывались, надо по страховке платить или не надо, в самом деле произошел несчастный случай или он нарочно подстроен, лишь бы деньги выцыганить. Наверное, привыкнув все про всех досконально узнавать по долгу службы, мама и про соседей как-то само собой все узнавала.

– Ого, у вас новый сосед! – с интересом сказала Юлечка, Зойкина одноклассница и соседка со второго этажа. – Познакомишь?

Ох, вечно эти Юлькины «познакомишь» да «познакомишь»! Конечно, она хорошенькая, и с ней охотно знакомятся мальчишки, но беда в том, что с ней вообще нельзя слова сказать! Она беспрестанно рассказывает всякие страшилки. Она помешана на страшилках! Любимые ее книжки – сборники всяких ужасных историй. Зойка начинает зевать примерно на пятой странице, а Юлечка обожает дрожать, трястись и бояться. А уж как ей нравится пугать других! Самое милое дело – позвонить кому-нибудь часов в десять (или в одиннадцать во время каникул, когда спать все ложатся попозже) и на сон грядущий прохрипеть что-то вроде:

Ночью за старой уборной,
Алюминиевой ложкой звеня,
Девочка в платье черном,
Чавкая, ела коня...

Продекламировав эту ахиною, Юлечка замирает в ожидании крика ужаса. Но Зойка очень сомневается, чтобы Юлечка этого крика хоть раз дождалась. Во-первых, старо как мир, во-вторых, подобной ерундой переполнен Интернет: на какой сайт со страшилками ни забредешь, обязательно наткнешься на эту «девочку в платье черном». Но самое главное – это ведь ужасно противно, заорать можно только от отвращения: заорать – и начать плевать.

Все это слушают – и молчат, а Юлечке кажется, что люди теряют голос от ужаса. Счастливая и довольная, она с загробным хохотом отключается.

Между прочим, одну девчонку из 6 «А» Юлька в самом деле запугала. Однажды та пришла в школу, а все лицо у нее – в маленьких красных волдырях и опухшее. Похоже на комариные укусы, но дело бы в январе – какие вообще комары? Юлечка немедленно сообщила, что у этой девчонки, наверное, завелась дома подушка-грызунья, которая по ночам оживает и начинает пробовать на вкус лицо своего хозяина или хозяйки. Сначала, как осторожный вампир, посасывает кровь... все думают – комары или клопы напали, а нетушки – это подушка-грызунья постаралась! Потом однажды проснешься утром – а у тебя кусок щеки съеден. Не слабо, да? И на подушку никто ведь не подумает. Обвинят во всем каких-нибудь крыс. Но самое интересное, что на подушке не останется ни следа крови. Рана на лице есть – а крови нет... Ну и напоследок, понятное дело, человек проснется с перегрызенным горлом.

В смысле, не проснется. А его перегрызенное горло будет обнаружено несчастными родственниками.

И снова никто не подумает, что виновата подушка... И так она будет загрызать новые и новые жертвы... У-у-у-у... А-а-а...

Жуть!

Ну, та девчонка из 6 «А», наслушавшись Юлечки, до того перепугалась, что побежала маме по мобильному телефону звонить и с криком-плачем умолять, чтобы немедленно выбросила подушку. Мама тоже перепугалась – только не подушки, а что у доченьки крышняк поехал. И примчалась за ней в школу! Девчонка ей все рассказала – и чужая мама долго и громко высказывала Юлечке все, что о ней думает. Но Юлечке – как с гуся вода!

А потом оказалось, что у той девчонки просто-напросто аллергия на ананасы. Она была на дне рождения у какой-то родственницы и съела там слишком много ананасов.

Но самое смешное в этой истории то, что подушку она все же выбросила. Потихоньку от мамы взяла и отнесла в мусорный бак, да не в своем дворе, а квартала за три.

Чтоб подушка дорогу назад не нашла, наверное!

Это, конечно, был триумф Юлечки Комаровой в качестве пугала!

Но теперь ей все трудней находить благодарных слушателей. Все одноклассники и знакомые забили себе в мобильники ее номер и просто не отвечают, когда на дисплее высвечивается *Юлька Комарова* или просто *Пугало*.

Понятно, что сейчас Юлечка очень хочет познакомиться с новым человеком, чтобы испытать на нем свои коронные ужастики. Как вампирам нужна свежая кровь, так Юлечке нужны свежие слушатели. Но Зойка ее глупости поощрять не хочет. И не будет.

Вообще, бояться всякой ерунды стыдно! Можно, например, бояться третьей мировой войны, после которой запросто исчезнет жизнь на Земле. Или хулиганов на темной улице можно и даже нужно бояться. Или маньяков. Или тараканов, пауков, гусениц... Это страх реальный. А воображаемые страхи приходят и уходят. Главное – сказать им, что они не страшные.

Зойка терпеть не может бояться. А когда приходится – презирает себя и стыдит.

– Познакомишь? – снова спросила Юлечка.

– Было бы с кем знакомиться! – фыркнула Зойка. – Я его в упор не вижу.

Так вышло, что на соседа Зойка с первой же встречи ужасно разозлилась. Они на площадке нечаянно встретились. Мальчишка открывал свою дверь, а Зойка закрывала свою.

Он обернулся, посмотрел на Зойку – и просто остолбенел! И даже выронил ключ. А когда наклонился его поднять, из-под футболки выскользнул медальон на длинной цепочке и сверкнул, словно усыпанный бриллиантами.

Мальчишка его быстренько спрятал под футболку и выпрямился.

Снова взглянул на Зойку – и сразу отвел глаза, будто испугался.

Понятно. Влюбился! Ну что ж, обычное дело – в Зойку сплошь и рядом мальчишки с первого взгляда влюбляются. И сразу начинают воображать, выступать и всякую чушь молотить.

А этот молчал, как будто от любви язык проглотил.

Мужская робость Зойку никогда не вдохновляла, но все же ей льстила. И она решила нового влюбленного немножко поощрить.

– Какой у тебя медальончик классный, – сказала Зойка кокетливо. – Одуреть можно!

Тут он поднял свои бесцветные глаза и повторил:

– Одуреть можно? – Подумал немножко и изрек: – То есть ты теперь стала дурой?

Серьезно так изрек! Вдумчиво. Словно констатировал факт. Ну да, а что может еще сделать Константин Константинович Константинов, как не *констатировать*!

И он ушел. И Зойка осталась стоять, будто к полу приколоченная. И подумала: а если бы она сказала «офигеть можно», то что – фигой бы стала?!

Ох, как Зойка обиделась! И с тех пор старалась нового соседа не замечать и ни слова ему не сказала, кроме одного – «придурок!».

Хотя это было еще слишком мягко! Наверное, можно было бы найти даже что-нибудь покрепче и поярче для человека, который, входя вместе с тобой в лифт, носком кроссовки фактически вышибает тебе палец на ногу и даже не извиняется, а в ответ на твои возмущенные вопли только бормочет «А че я сделал?!» и глупо улыбается, когда ты начинаешь рыдать в три ручья.

Было ужасно, ужжасно больно! Вдобавок мизинец торчал из шлепки, как будто ему стало скучно рядом с остальными пальцами и он решил выглянуть наружу и посмотреть, что там, за пределами шлепанца, в мире делается. А заодно за пределами остальной Зоиной обуви. За пределами туфель, кед и кроссовок. И даже новых домашних тапочек.

Ни в одну туфлю, кед, кроссовку и новую (в старую, впрочем, тоже!) тапку он не входил. Не влезал. Не помещался. На него даже носок было невозможно натянуть!

После этого происшествия Зойка перемещалась по квартире полубосая, пристроив на палец полиэтиленовый пакет с замороженным фаршем для котлет, который примотала к ноге кухонным полотенцем. Это был какой-то ужас – как со стороны, так и по внутренним ощущениям.

Потом пришла с работы мама, фарш с ноги сняла, погоревала над синюшной оледенелой сарделькой, в которую превратился Зойкин палец, намазала его кремом «Спасатель», забинтовала, вызвала такси и повезла покалеченную дочку в травмпункт. Пришлось ехать далеко, аж на улицу Нартова, потому что в ближайшем травмпункте был ремонт.

Зойка уже так наплакалась, что почти ничего не видела из-под распухших век. Она хромала вслед за мамой по пустым коридорам травмпункта и слабо ныла, что не хочет, не хо-о-очет к врачу...

– Тебе еще повезло, – сказала мама, – что сейчас лето и здесь народу никого. Вот если бы это случилось зимой, тут вообще сесть было бы некуда. Знаешь, сколько народу с переломами и ушибами идет зимой в травмпункт!

Зойка могла бы возразить, что зимой она не бегала бы в шлепках, а значит, ей не вышибли бы палец, но сил на споры у нее уже не осталось. И она только подумала, что мама очень своеобразно понимает, что такое «повезло».

Оказалось, что не только мама такая своеобразная.

– Тебе еще повезло, – проорал огромный рыжий дядька-хирург, который осматривал Зойкин палец. – Это всего-навсего вывих. А мог быть и перелом! Запросто!

Дядька орал не потому, что ему так нравилось или просто некуда было девать свой голос. Он орал потому же, почему, например, орут на уроках учителя или дома родители. Чтобы детей переорать!

Врач пытался переорать Зойку. Потому что ей не слишком-то нравилось, как он своими огромными ручищами щупает ее ступню. И она это демонстрировала как могла. Всеми доступными ей средствами! Во всю мощь глотки и легких!

Вообще, по-честному, больно Зойке фактически не было. Но у хирурга оказались отвратительные руки, которые ее ужасно пугали: очень белые, незагорелые, покрытые веснушками, поросшие рыжими волосами. Рукава бледно-зеленой робы засучены, ногти не то обгрызены, не то до мяса подстрижены. И еще татуировка на руке, три тускло-красные буквы: *BES*.

Ишь ты, БЕС! Наверное, у него было жуткое прошлое, подумала Зойка. Наверное, в уголовном мире он прославился своей кошмарной жестокостью. И ему дали такой псевдоним... хотя нет, псевдонимы – это у писателей, а у преступников клички. Кликухи! Этому рыжему, с конопатыми руками, дали, значит, кликуху Бес.

А теперь он начал лечить людей...

Ага, лечить! Такими лапищами только искалечить можно!

– Да угомонись ты! – наконец выкрикнул хирург, которому, наверное, ужасно надоел Зойкин крик. – С кем не бывает! Наверное, нет на свете человека, который не вывихивал или

даже не ломал палец на ноге. Идет босиком по комнате – шарах о стул! Или вот так же добрый человек навернет, как тебе Константин навернул.

– А откуда вы знаете, что его зовут Константин? – прохлюпала носом Зойка.

– Какой Константин? – удивился доктор.

– Ну, который меня по пальцу шарахнул. Откуда вы его знаете?

– Милая барышня, – вздохнул хирург. – Я просто так сказал, к примеру. Константин, не Константин, Александр, не Александр, Михаил, не Михаил... Какая разница? Самое главное, что тебе уже не больно. Верно ведь?

И Зойка в эту самую минуту ощутила, что ее нога, зажатая в веснушчатых лапищах, покрытых рыжими волосками, ничуть не болит. И палец больше не торчит как неродной. И он уже почти нормального размера. И похож на человеческий палец, а не на сардельку.

Ай да врач! Ай да хирург! Да у него, оказывается, золотые руки! И ничего, что с татуировкой BES!

– Спасибо! – заорала Зойка снова – на сей раз от избытка благодарности. – Грандиозное мерси!

Доктор не стал больше ее перекрикивать – наверное, у него силы кончились, – а только кивнул и буркнул:

– Если что случится – знаешь, где меня искать! – И пошел к крану – мыть свои замечательные руки, готовясь к приему следующего страдальца, которого он исцелит.

Исцелит, а не искалечит!

Зойка с мамой вернулись домой, ночью у нее ничего не болело, она вообще забыла, что такое больной палец; утром, как всегда, спала чуть не до десяти часов – надо же на полную катушку получить удовольствие от летних каникул, которые пару дней назад начались! – а потом, позавтракав, пошла относить книжки в школьную библиотеку.

Только из квартиры вышла, как поскользнулась, ноги разъехались – и Зойка плюхнулась на ту точку человеческого тела, которую называют пятой.

Наверное, она бы не так сильно ушиблась, если бы эта точка была у нее, к примеру, такая же пухлая, как у Толстой Насти из их класса. Но Зойка уродилась худой во всех местах своего тела. Поэтому ей стало так больно, что она испугалась: вдруг что-то в позвоночнике треснуло?!

Но все же надо как минимум подняться с пола... Стиснув зубы, Зойка сначала подтянула к себе ноги, потом перевернулась на колени, попыталась встать – и тут увидела то, на чем поскользнулась. И даже про боль забыла!

Это было что-то невероятно блестящее, как будто сплошь покрытое бриллиантами.

Медальон на цепочке! Тот самый, который Зойка видела на шее своего бесцветного соседа. Соседа, который так оскорбительно отреагировал на ее восхищение, а потом вышиб ей палец.

Медальон Кости Константинова!

Да он нанялся, что ли, калечить Зойку Семенову?! Вывихнутый палец, отбитая пятая точка...

Сначала Зойка подумала именно об этом. А потом – она со вчерашнего дня немножко подзарядилась оптимизмом у мамы и у рыжего хирурга – поразмыслила и решила, что ей, пожалуй, повезло. Могло быть и хуже. С Константинова вполне сталось бы бросить около ее двери какую-нибудь пакость вроде банановой кожуры. А он всего-навсего потерял медальон необыкновенной красоты.

Компенсировал причиненную неприятность.

Замечательная компенсация, подумала Зойка. Интересно, эти камни настоящие? Блестят-то они даже лучше настоящих. Девчонки обзавидуются. А вдруг Костя Константинов пойдет в новом учебном году в Зойкину школу? Значит, рано или поздно или увидит у нее свой медальон, или кто-нибудь проболтается о нем.

Нет, ну неужели даже похвастаться такой красотой перед людьми нельзя?!

Зойка снова и снова рассматривала находку. Все бриллианты – ну, может, и не бриллианты, но ей нравилось это слово! – горели сплошным белым огнем, а посередине отливали красным, складываясь в какой-то странный узор. Буквы – не буквы, цифры – не цифры... Вроде 8, потом буква Е, потом какой-то крючок.

Нет, не поймешь ничего! Зойка снова и снова рассматривала медальон, вертела его так и этак. И вдруг он открылся – сам собой. Внутри что-то лежало, какая-то тщательно сложенная бумажка.

Интересно, что хранил в бывшем своем медальоне Костя Константинов? Записку от своей девчонки?

Зойку прямо-таки трясло от любопытства, пока она разворачивала бумажку. Вернее, две бумажки, которые были свернуты туго-натуго, как будто из них хотели сделать пульки для рогаток. Две бумажки – каждая размером в четвертушку тетрадной страницы.

Ну и зря трясло. Это оказалась полная ерундятина!

На первой бумажке был какой-то дурацкий рисунок. Такие получаются, когда два человека рисуют одну картинку, не зная, что изобразил каждый. Например, первый нарисовал птичью голову и прикрыл картинку, второй – собачье туловище, первый – человеческие бедра, второй – львиные лапы, первый – лошадиные копыта... Иногда получается здорово смешно.

Правда, рисунок, который носил в своем медальоне Константинов, был не смешной, а довольно противный. Кошачья голова с ужасно глупым выражением (у кошки были длиннющие ресницы и лихо закрученные усы) сидела на длинной человеческой шее. Прямо из шеи росли плоские, похожие на лягушиные ласты лапы. Бедра были широченные, как у Толстой Насти, но сужались к четырем кривым лошадиным ногам. А вместо копыт из них тянулись многочисленные тоненькие щупальца, будто бахромы у медузы, только гораздо длиннее. Пониже был нарисован череп со скрещенными костями.

Ага, ну просто смертельная красотища!

– Жуть, – пробормотала Зойка. – Значит, у тебя такая девчонка, Константинов? Крутяк... Скажи мне, кто твоя любовь, и я скажу тебе, кто ты!

Потом она развернула второй листок. И презрительно фыркнула...

Есть такая всем известная игра – в чепуху. Два человека пишут на одной бумажке в столбик разные слова, причем ни один из них не знает, что написано раньше, потому что бумажку сворачивают. Отвечают тупо на вопросы: кто или что, что делает, как, чем, каким образом, где. Да какие угодно могут быть вопросы! И ответы тоже. Например, ты пишешь – *дам*. А кто-то другой – *играет в теннис*. Ты – *пиная сапогом*. Кто-то – *кровать*. Ты – *весело*. И получается: *дам играет в теннис, пиная сапогом кровать весело*.

Почти всегда выходит смешно. Правда, недавно, когда на уроке французского закрепляли пройденный материал, вышло не сильно смешно! Мадам Жужу велела всем играть в чепуху по-французски. Один пишет подлежащее, другой – сказуемое, первый – обстоятельство, второй – дополнение... У Зойки и ее соседа по парте Валерки Черкизова получилось так:

Un lion
Reçoit 2 selon la langue française
Dans le nid de moineau
Avec ses amis.

Это значит:

Лев
Получает 2 по французскому языку

В гнезде воробья
Со своими друзьями.

Класс просто полег, когда Зойка и Валерка это вслух прочитали: ведь фамилия Мадам Жужу – Воробьева! Конечно, она ужасно разозлилась, заорала:

– Quelle betise! Какая глупость! – и отправилась жаловаться директорисе.

Но как-то все обошлось, никого не наказали. В конце концов, Мадам Жужу сама придумала игру. К тому же это был последний урок перед каникулами, и, наверное, директориса решила ни себе, ни людям жизнь не осложнять.

Ладно, про льва, получающего двойку в воробьином гнезде, – это глупость. Но на бумажках Кости Константинова обнаружилась совсем уж глупейшая глупость:

Волк
Ест
Руками
Шалаш
Икая
Ничто
Абракадабра
Яблоко
Радуется
Охая
Стул
Тряся
Искоса

Ну и чушь! Волк ест руками шалаш, икая! Правда что абракадабра!

Зойка даже головой покачала. Костя Константинов – это просто что-то... Даже не смог ничего путевого спрятать в свой роскошный медальон!

Зойка решила исправить эту вопиющую несправедливость судьбы. Для начала она выбросила все дурацкие константиновские бумажки в мусоропровод, а потом стала придумывать, что именно положит в медальон вместо них.

Вообще здорово было бы поместить туда фотку черноглазого Игоря Владимировича Кудымова, учителя физкультуры, в которого Зойка безумно влюблена. В него вообще все безумно влюблены: все девчонки, что из старших классов, что из средних, что малышня, и все учительницы, и даже, очень может быть, директориса школы!

Да, Игорь Владимирович по прозвищу Обожаемый Игорек – самая подходящая кандидатура. Бриллиантовый медальон сияет почти так же, как его глаза. Но ведь кто-нибудь из девчонок обязательно захочет посмотреть, что держит Зойка в такой красоте. Ох и ржача будет, когда обнаружится портрет Обожаемого Игорька!..

Скажут: «Ишь ты, у Семеновой любовь-морковь! Одуреть можно!»

А она им ответит: «Значит, вы теперь дурами стали?»

Неплохо! Только надо это сказать с тем же выражением, с каким говорил Костя Константинов: серьезно и задумчиво.

И стоило Зойке об этом вспомнить, как ей вдруг стало как-то не по себе... Как-то тоскливо стало!

Почему? Она не успела понять: позвонила мама, напомнила, чтобы не забыла сдать книжки в школьную библиотеку, а то опять будут ей на работу звонить и жаловаться на Зойку, как на зимних каникулах; еще велела сходить в магазин (список что купить и деньги на холодильник), а потом сообщила, что Зойке обязательно придется съездить к бабушке и привезти

от нее малосольных огурцов, потому что у нее самые вкусные огурцы в мире, на базаре и в магазине таких не купишь, да и не накупаешься там, на базаре-то и в магазине!

В общем, день прошел в суете, как будто и не каникулы у Зойки, как будто каждый день не создан для того, чтобы как следует отдыхать и наслаждаться жизнью! У нее не то что отдыха – даже передышки не было, о наслаждении и речи не шло, и, наверное, из-за этого настроение с каждой минутой все больше портилось, так что к вечеру она была совсем никакая – плюхнулась перед компьютером, вышла в Интернет и начала плавать со ссылки на ссылку. Это ее всегда успокаивало, но почему-то сегодня не сработало.

Зойка сама не понимала, почему так охота поплакать. Еле сдержалась, когда мама пришла поцеловать ее на ночь. Ну еле-еле!

Только стала засыпать, как зазвонил мобильник. Сдуру Зойка нажала на кнопку ответа, даже не посмотрев, чей там номер определился. Ну и нарвалась, конечно!

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок
И укусит за бочок,
А потом придет медведь
И утащит ножки греть,
Ручки отгрызет лиса,
Зайка высосет глаза...

Юлечка в своем репертуаре! Зойке очень захотелось послать ее далеко-далеко, скажем на забор, но почему-то вдруг жалко стало подружку, которая, похоже, совсем одурела, а потому она терпеливо выслушала и жуткую колыбельную, и загробное завывание:

– До-о-оброй но-о-о-очи!

Вежливо ответила:

– Тебе того же.

И выключила телефон.

Вечно Юлька со своими абсолютно нестрашными страшилками! На самом деле, есть одна старая сказка, которая Зойку пугает до онемения и охлаждения конечностей... Если бы Юлечка о Зойкиных страхах знала, она бы каждый вечер донимала подружку именно этой сказкой. Но Зойка не так глупа, чтобы проболтаться. Главное, не думать о страшном! И почаще напоминать себе, что бояться стыдно.

Ну вот, стоило только об этой сказке подумать, как кто-то начал щекотать между лопатками прохладной мягкой лапой. Зойка повернулась на спину, чтобы лапа до нее не достала, согрелась и, шепча, как молитву на сон грядущий: «Бояться стыдно!», наконец-то уснула.

Сначала Зойке снилось, будто ей кто-то нужный и важный звонит, а у нее телефон выключен, звонка она не слышит, – и от этого все тоскливей и тоскливей становилось на душе.

Потом сон изменился. Зойка была в темной комнате и на ощупь искала выключатель. Кое-как нашарила на стене кнопочку, нажала – но свет не загорелся, зато кнопочка вдруг стала краснеть, словно наливалась кровью.

Зойка посмотрела – да ведь это была ее кровь! Она видела, как кровь переливается в кнопку и растекается по стене!

«Что за глупости! – сердито подумала Зойка. – Выключатель-вампир! Так не бывает! Глупости!»

Она проснулась, еще шевеля губами, словно говорила это вслух.

Поворочалась, поудивлялась, что это за ерунда в голову лезет, и снова заснула.

И снова ей снилась темная комната, и снова Зойка искала выключатель, наконец нашла, нажала на кнопку... и почувствовала, что из кнопки лезут какие-то отростки! Лезут, подползают к Зойке, вцепляются в нее, врастают в ее руки, в ее тело, пробираются по внутренностям, подкатывают к горлу...

«Меня сейчас вырвет, кажется! – подумала с отвращением Зойка. – Прямо в постель! Фу!»

И проснулась от того, что громко сказала: «Фу!»

Ладно, еще терпимо, когда страшные сны снятся, – но чтобы такие омерзительные... Да еще тоска не отступает – как вечером пристала, так и донимает.

С чего, ну с чего?!

Поворочавшись, Зойка устроилась подобней и только начала засыпать, как подскочила от шума и лягання, которое доносилось из-под окна. Вообще такие звуки обыкновенно раздаются в шесть-семь утра, когда приезжает мусорка и начинает контейнер мусоропровода менять.

Но за окном стояла глухая ночь.

«Наверное, бомжи в ящике шарят», – подумала Зойка и вдруг, сама не зная почему, вспомнила, как выкинула в мусоропровод бумажки, которые нашла в медальоне Кости Константинова.

Только тут до нее дошло, откуда эти кошмары и с чего вдруг тоска ее донимает.

Это не простая тоска – это совесть! Ее совесть мучает, вот что.

Зойке стало жутко стыдно, ну просто до слез, что она подобрала чужую вещь, да еще такую дорогую и красивую, как этот сверкающий медальон, и присвоила ее без малейшего сомнения. То есть ей даже в голову не стукнуло, что надо медальон вернуть! А может, для Кости это вещь особенно дорогая. Может, это память об умершей маме!

Правда, в медальон всякая чухня вложена, но, может, это только для Зойки чухня, а для Кости – совсем наоборот. Может, это шуточные записки и рисунки его мамы. И тоже память о ней!

Ночь шла и шла своим путем, но Зойка спать не могла. Она плакала и совсем обессилела от слез, а совесть грызла так, что Зойка начала сомневаться, останется ли от нее к утру хоть что-то недогрызенное.

Уже вовсю светало, когда она наконец смогла заснуть. И тут опять навалились сны, да какие! Лучше бы таких вовек не видеть!

Приснилось, что она роется в мусорном контейнере, пытаясь найти Костины бумажки, а мусор от нее разбегается в разные стороны, чавкая и причмокивая.

Бредятина. Брр, гадость!

Потом в руках у Зойки оказалась метла, и она попыталась смести мусор в кучку, но он начал разбегаться еще быстрее. И вдруг среди этого мусора оказалась мама и уставилась на Зойку так, словно видела ее впервые. И Зойка тарасилась на нее, потому что такой свою маму она и в самом деле никогда не видела.

Мама была в одной ночной рубашке, босая, но почему-то в рыжих меховых перчатках. Вроде бы из лисьего меха... Руки она держала поджатыми к груди – так делают дети, когда на праздничных утренниках изображают зайчиков и лисичек.

И вдруг до Зойки дошло, что руки она так держит не потому, что изображает лису, а потому, что иначе держать их не может – ведь это не руки, а лисьи лапы! Мамино лицо постепенно заострялось и становилось все более лисьим, звериным, злобным, чужим. А ноги у нее заканчивались коровьими копытами...

Зойка заорала как ненормальная – и проснулась.

Облегчение от того, что это оказался всего лишь сон, было таким огромным, что она несколько минут лежала неподвижно и умирала сердце, которое колотилось как ненормальное.

«Юлечка, ну Юлечка, – подумала Зойка с ненавистью, – да чтоб я еще хоть раз ответила на твой звонок! Надо утром посмотреть, есть ли в мобильнике такая опция – «запретный звонок». И если есть, легко догадаться, чей звонок будет самым запретным!»

Зойка попыталась расслабиться, злясь на себя за то, что ее так трясет из-за какого-то дурацкого сна.

«Бояться стыдно! – сурово сказала она себе. – Нельзя страхам поддаваться! А то станешь как Валентина Ивановна!»

Валентина Ивановна – это соседка с первого этажа. У нее всегда такой вид, словно ее только что навестил какой-нибудь бродячий мертвец и провыл что-то вроде: «Отдай мое сердце!» Валентина Ивановна вздрагивает от всякого шума, при встрече хватается за сердце: «Ох, как вы меня напугали!» И ей вечно невзвесть что мерещится: то какой-то там подвальник к ней в пол из подвала стучит, то какие-то привидения белые по квартире бегают, то кто-то рычит в стене...

Однажды она выскочила на площадку с ужасным криком:

– Полтегес! Полтегес!

Зойка с мамой как раз мимо шли и сразу поняли, что имелся в виду полтергейст. Ну, они, конечно, усмехнулись: опять у Валентины Ивановны что-то не так! – но тут она их прямо за руки схватила и потащила к себе на кухню.

– Смотрите, – кричит, – вот он, полтегес!

И они увидели, что по кухне прыгают кусочки какие-то стеклянные... Сами собой! Туда-сюда, туда-сюда... одни выше подскакивают, другие ниже. И об пол – стук-стук, стук-стук!

– Прыгают? – закричала Валентина Ивановна.

– Прыгают... – прошептала мама и тоже схватила Зойку за руку.

Испугалась!

А Зойка не испугалась. Потому что не могут кусочки стекла сами собой прыгать! Такого не бывает! И полтергейстов не бывает!

– Сидела я в комнате, телевизор смотрела, – дрожащим голосом рассказывала Валентина Ивановна. – Вдруг слышу – на кухне грохот. Прибегаю – а кусочки прыгают! И крышка от сковородки не пойми где! Унесли!

Зойка огляделась. На плите исходила паром открытая сковородка. Пахло тушеным мясом. Очень вкусно, между прочим, пахло, и Зойка невольно проглотила слюнки, потому что есть захотелось. И тут она увидела на полу какую-то странную круглую штуку. Металлический ободок.

И сразу все стало ясно!

– Крышку паром сбросило, – сказала Зойка спокойно. – Вон ободок валяется, видите? А под столом – ручка от крышки. Сама крышка разбилась на кусочки. Кусочки были раскаленные, сейчас они остывают, и эта энергия заставляет их двигаться. Остынут – и успокоятся. Это просто физика!

Мама облегченно засмеялась:

– Умница ты моя!

А Валентина Ивановна сказала:

– Тебе в ученые надо. В эти, которые все объясняют. Приходили ко мне такие... В пол к вам из подвала не подвальник стучит, а бомжи развлекаются, и не привидения это, а машины мимо проезжают, ну, свет фар и пробегает по стенкам, и не рычит кто-то у вас в стене, а просто в канализации воздушные пробки с водой сталкиваются... Все у них просто: физика и химия! Вот и тебе к ним надо!

Зойке показалось, что Валентина Ивановна на нее обиделась. Наверное, ей было жалко, что на кухне не «полтегес». Может, ей просто нравилось бояться – так же, как Юлечке Комаровой?

Можно спорить, что Юлечка, когда постареет, станет похожей на Валентину Ивановну. Таким людям никакая наука, никакой технический прогресс не помешают страхи себе выдумывать. Юлечке, например, будет казаться, что из компьютера вирусы выскакивают и по комнатам бегают. С нее станется!

Зойка представила, как за Юлечкой гоняется какой-нибудь троян или многовекторный червь, и засмеялась.

И в это время кто-то громко закричал во дворе. Кажется, там здорово скандалили.

Зойка вскочила с постели, направилась было к окну – посмотреть, что вообще происходит, но тут в ее комнату вошла мама – самая обыкновенная, как всегда, в шортах и майке (каждое утро она бегала в парке Кулибина), нормальная мама без этих ужасных лисьих перчаток, в кроссовках, без коровьих копыт, с которыми приснилась Зойке, и сказала:

– У нас не дом, а театр абсурда! В нашем подъезде исчез мусорный контейнер. Дворник еле-еле нашел бак за гаражами. Причем совершенно чистый, словно его вымыл или вылизал кто-то. Ты представляешь?!

И, выразительно закатив глаза, мама ушла в ванную.

Сон мигом сдулся, как воздушный шарик, и вылетел из головы.

Вспоминать его Зойка не старалась. А кто бы старался на ее месте?!

К тому же ей нужно было кое-что немедленно сделать. Совесть добила – таки своего!

Зойка деловито глянула на часы, хотя и так знала, что сейчас половина восьмого. Мама всегда именно в это время возвращалась с пробежки, потом долго стояла под душем, потом начинала ужасно спешить, чтобы не опоздать на работу, но все равно опаздывала.

Так, минут тридцать ей точно будет не до дочки, можно многое успеть!

Зойка мигом оделась, сунула ноги в тапки, залетела в туалет, потом плеснула в лицо водой на кухне, в прихожей провела щеткой по волосам и выскочила на площадку. Занесла руку над звонком квартиры напротив, потом спохватилась, что самое главное-то позабыла, вернулась, выхватила из-под подушки медальон, который ну буквально жег ей руки и на который она уже просто смотреть без стыда не могла, сунула его в карман и, снова подскочив к квартире Константиновых, позвонила.

Конечно, это невежливо – еще восьми нет, а она рвется к посторонним людям. Но если вас всю ночь мучила совесть – тут, знаете, не до вежливости.

Не до политесов, как говорит бабушка, бросая трубку, когда ей звонит ее подруга детства, которая может говорить без передышки несколько часов, а может, даже и суток, вовсе не ожидая ответа от того, с кем говорит!

Зойка аж подпрыгивала от нетерпения – так ей хотелось поскорей отдать Константинову медальон. Она решила соврать, что нашла его во дворе, а про бумажки, которые лежали внутри, упоминать даже не будет. Если Костя спросит, где бумажки, Зойка сделает огромные глаза: мол, знать ничего не знаю, ведать не ведаю, все так и было!

Двери не открывали очень долго.

«Вот же спят Константиновы! – начала злиться Зойка. – Вот же дрыхнут! Такую драгоценность потеряли – и в ус не дуют! А я мучайся! Сейчас мама хватится меня и прицепится, что я тут делаю, а пока ей все объяснишь, спятить же можно!»

Она уже смирилась с мыслью, что придется уйти ни с чем, когда за дверью раздались неуверенные шаркающие шаги, а потом слабый старушечий голос спросил:

– Кто там?

– Ой, извините, – чрезвычайно вежливо проговорила Зойка, – извините, что так рано вас беспокою, мне бы Костю на минуточку.

– Кого? – переспросила старуха. – Какую кость?

«Глухая тетеря!» – мысленно усмехнулась Зойка.

– Да не кость! Костю мне надо! Константина Константинова!

Щелк-щелк, замок открылся, на пороге показалась старушенция – на вид лет сто или около того, вся седая, сгорбленная, будто крючок, в каком-то ужасном халате, в каких ходят только старухи, да поверх халата она еще и меховую жилетку напялила.

В такую жару – меховую жилетку! Наверное, ей и в самом деле сто лет, если уже и кровь не греет.

– Не возьму я в толк, кого ты ищешь, дитятко, – прошамкала она, глядя на Зойку утонувшими в морщинах тусклыми глазками и делая к ней неуверенный шаг.

От старухи пахло как-то странно – вроде бы мокрой известкой.

Может, она кухню с утра пораньше белила?

А почему бы и нет – не спится, вот и белила.

Куда более странно было другое. Мама говорила, здесь только двое живут, отец и сын, а еще старуха какая-то оказалась. «Хотя, наверное, это их старуха, – подумала Зойка. – Бабка Костина в гости пришла и осталась ночевать. Или даже прабабка. А может, и вовсе прапрапра...»

– Я ищу Костю Константинова, – повторила Зойка, но в это время высокий лысый дядька в ужасных, обвисших, линялых трениках выглянул в коридор из-за старухиной спины и буркнул:

– Мамаша, зачем вы кому попало двери открываете? А ты, подруга, мотай отсюда, чего приперлась со всякой ерундой ни свет ни заря, нету тут никаких Константиновых, тут Страховы живут давным-давно.

– Как нету Константиновых? – изумленно переспросила Зойка. – Как Страховы?

– Как-то так, через пятак, – ехидно ответил лысый, потом зевнул во весь рот, показав сплошь железные зубы, протянул руку, втащил старушонку в квартиру и захлопнул дверь перед Зойкиным носом.

Она немножко постояла на площадке, разглядывая дверь.

Это была та самая дверь, откуда выходил Костя.

Что за ерунда?!

Объяснение ерунде могло быть одно. Дядька просто пошутил, на самом деле он родственник Константиновых. И тоже ночует у них.

Хотя... на шутника он не похож. А старуха – еще меньше. В ее возрасте, наверное, вообще не до шуток.

Нет, есть еще одно объяснение! Константиновы уже продали квартиру. Чем-то она им не понравилась, вот они и съехали. Эти Страховы туда мигом вселились и всем врут, что живут тут давным-давно.

Зойка вернулась к себе. Тут как раз вышла из ванной мама. Подняла изумленно брови, увидев, что Зойка одета и даже как бы причесана, сказала:

– Не забудь принять душ. Куда это ты вырядилась ни свет ни заря?! – и пошла было на кухню, но Зойка спросила вслед:

– Мам, а что, Константиновы уже переехали из квартиры напротив?

– Константиновы? – отозвалась мама. – А кто такие Константиновы? По-моему, квартира напротив так и стоит пустая, ее еще никто не купил. Садись завтракать. Бутерброды на столе. Чай горячий пока.

И заверещал блендер.

Зойка вошла в кухню и внимательно посмотрела на маму. Нет, она не улыбалась, не посмеивалась, она не шутила. Она сосредоточенно смешивала в блендере утренний витаминный коктейль: огурец, киви, петрушка. Получается зеленая каша, называется смузи. Мама уверяет, что в каждое утро поедании смузи – секрет ее неземной красоты.

Зойка один раз попробовала и решила, что лучше быть некрасивой, чем *это* есть. Она и с бутербродиков с сыром как-нибудь не изуродуется!

Впрочем, сейчас ей было не до маминых смузи и не до своих бутербродиков.

– Ма, ты несколько дней назад говорила, что квартиру напротив купили Константиновы, – настойчиво сказала Зойка. – Интеллигентные вроде, сказала ты. Отец и сын. Их только двое, мама их умерла. Этого мальчишку Костя зовут, он мне мизинец на ногу выбил! Мы еще в травмпункт на Нартова ездили!

– Зойка, ну что ты ерундишь с утра пораньше?! – воскликнула мама раздраженно. – С чего бы нам на Нартова ехать, в такую даль, когда в нашем районе своей травмпункт есть?!

И вдруг мама насторожилась:

– Какой травмпункт? Какой палец?! Хм... палец... а ну, разуйся!

Зойка мигом сбросила левую тапку и подняла ногу, чтобы маме лучше было видно многотрадальный палец.

– Ну конечно, мизинец немного подпух, – задумчиво сказала мама, – но ничего клинического я не нахожу. Поводов топтать к травмпункт – тем более. Ты же ходить можешь? Ну и отлично. Сегодня никаких особых дел для тебя нет, развлекайся как можешь, только перед компом целый день не сиди, договорились? Ой, я опаздываю, мне самое позднее через минуту выходить!

И мама выбежала из кухни, а минут через десять из прихожей донеслось прощальное:

– Посуду помой! Целую крепко, ваша репка! – И стук захлопнувшейся двери.

Мама наконец-то умчалась на работу.

Все это время Зойка сидела за кухонным столом в состоянии полного ступора. И состояние ее было вполне объяснимым!

Пошли какие-то сплошные странности...

О Константиновых, о которых она сама Зойке сообщила и сын которых чуть не изувечил ее родную дочь, мама не помнит. О поездке в травмпункт – тоже. О Страховых, с которыми Зойка только что общалась и которые, по словам этого дядьки, тут давным-давно живут, мама тоже слыхом не слыхала и уверяет, что квартиру напротив до сих пор никто не купил.

Впрочем, про Страховых Зойка тоже слыхом не слыхала за все почти тринадцать лет жизни в этом доме. Но Константиновы-то были!!!

Что такое приключилось с мамой? Почему она все забыла? Зойка-то все отлично помнит! И докторские лапищи, и татуировку «BES», и Костю помнит, хоть он и казался невзрачным и незаметным, и помнит, как он остолбенел при первой встрече с ней. Помнит, как поспешно прятал он под футболку свой медальон, усыпанный бриллиантами...

Или Зойке все это померещилось?!

Но медальон-то – вот же он! В кармане! Он не мерещится – он по-прежнему сверкает и сияет белым огнем, а посередине три каких-то неясных знака отливают красным. Вроде 8, потом не поймешь что, кажется, E, потом какой-то крючок...

И вдруг Зойка разглядела, что это не цифра 8, а буква B. Потом в самом деле идет E. А крючок – никакой не крючок, а латинское S. То есть на медальоне написано – BES.

Как на руке у доктора из травмпункта...

Над ухом у Зойки что-то щелкнуло. Это чайник, оказывается, выключился. Она и не заметила, когда его включила. С недоумением оглядела пустую тарелку и пустую чашку. Она и не заметила, как съела бутерброд и выпила чай. А зачем снова поставила чайник? Да ни за чем, просто так.

От потрясения.

Потрясешься тут, наверное!

Там BES, на докторских руках. И тут BES, на медальоне. И рыжий доктор сказал – как бы невзначай: «Наверное, нет на свете человека, который не вывихивал или даже не ломал палец

на ноге. Идет босиком по комнате – шарах о стул! Или вот так же добрый человек навернет, как тебе *Константин* навернул».

Потом он, правда, сделал вид, что имел в виду любого с любым именем, какого-то там Александра или Михаила, но первое слово дороже второго. Доктор откуда-то знал, что Зойке выбил палец человек по имени Константин. И если это могло быть простым совпадением, то слово «BES» к разряду таких простых совпадений уже не отнесешь. Это уже сложное совпадение!

Таких не бывает...

Конечно, доктор знает Константиновых. Наверное, знает, куда они подевались, где теперь Костя. Надо к нему съездить, надо спросить, как Зойке поступить с медальоном. И прояснить хоть какие-то непонятки...

На душе сразу стало легче.

Зойка мигом убрала со стола, потом постояла под душем. Даже голову вымыла, чтобы прогнать остатки сна и растерянности.

Прогнала.

Теперь она, как д'Артаньян, была готова к великим делам.

Для начала Зойка оделась, вынула медальон из кармана шорт и повесила на шею. Как бы не потерять! Потом положила в карман мелочь на маршрутку, застегнула липучки кроссовок, вышла на площадку, заперла дверь и нажала кнопку вызова лифта.

Лифт был кем-то занят: сначала он ехал вниз, потом стоял на первом этаже, потом начал медленно подниматься, и все это время, пока Зойка его ждала, она чувствовала себя ужасно неуютно. Казалось, что глазок на двери Константиновых – то есть этих, как их там, Страховых! – наблюдает за ней.

Вот именно – не из квартиры кто-то наблюдает через глазок, а он сам Зойку внимательно разглядывает, причем ведет за ней взгляд, когда она нарочно уходит в сторону.

Отвратительное было ощущение!

Все понятно – глазок с круговым телевизионным обзором, решила Зойка, но менее отвратительным ощущение не стало. Как будто она букашка, которая лежит на лабораторном стеклышке, а ее кто-то исследует через микроскоп. Или через круговой телевизионный обзор – без разницы!

Да где этот несчастный лифт?! Зойка демонстративно отвернулась от глазка. Не до политесов, как сказала бы бабушка!

Вдруг что-то легонько тронуло ее за шею сзади. Зойка аж подпрыгнула! Но сзади ничего не было. Только почудилось, что в глазок втянулось что-то – длинное, вернее длинношеее. Как будто сам глазок выдвинулся из двери и приблизился к Зойке!

У нее аж мурашки по спине побежали, хотя это была, конечно, полная ерунда. Даже если глазок телескопический и выдвижной (сейчас какой только техники нет, небось и выдвижные глазки могли придумать, что-то вроде перископов, – хотя зачем?!), рук у него точно нет, коснуться Зойки он не мог. Хотя касание было легкое, легчайшее, легче, чем руками... как будто ресничками пощекотали...

Реснички у дверного глазка?! Нет, пора уходить, эта дурацкая дверь на Зойку как-то странно действует!

Лифт наконец-то пришел. Скрежетнул устало, раззявил дверцы приглашающе.

Зойка вошла.

Посреди лифта на грязном полу лежал цветок чертополоха.

Розовый, пышный, на колючем коротеньком стебле, обломанном под самым цветком. Он был очень красивый, он походил на большую розовую звезду! Его так и хотелось понюхать. Но Зойка, хоть и подняла его, смотрела на него с опаской и нюхать не спешила. В таких роскошных цветах очень часто прячутся пчелы или какие-нибудь другие насекомые. Понюхаешь – а оно

цап тебя за нос! Или за губу! Мама один раз вот так понюхала розу со шмелем. К счастью, успела увернуться, а то невесть что стало бы с ее носом. Мама потом полгода этот случай вспоминала и ужасалась тому, что могло произойти.

Поэтому Зойка любовалась чертополохом издалека. На расстоянии вытянутой руки.

Лифт спускался так же долго, как поднимался.

«Зачем я вообще езжу на лифте? – подумала Зойка. – Трачу столько времени! Лучше пешком ходить! Подумаешь, шестой этаж».

И, словно почуяв ее мысли, лифт взял да остановился. Причем на втором этаже! До первого даже не доехал!

Делать было нечего. Зойка пошла вниз пешком и увидела, что на площадке между вторым и первым этажами на стене, как раз около почтовых ящиков, нарисована человеческая фигура. Как будто кто-то встал, прислонился к стене, растопырив руки и ноги, потом его обвели красной краской, он ушел, но контур его фигуры остался.

Эту фигуру Зойка видела здесь впервые. Впрочем, когда она в последний раз шла пешком по лестнице? Даже и не вспомнить! Так что вполне может быть, что это нарисовано давным-давно! Хотя нет, краска совсем свежая, еще лоснится и даже пахнет.

Зойка принюхалась. Вообще-то краска по-другому пахнет. Химически, так, что аж глаза щиплет. А тут пахло как-то... сладко и душно.

– Иди сюда! – вдруг шепнул кто-то. – Иди скорей! Тебя ждут!

Зойка оглянулась.

Никого. А кто шептал?

Похоже, никто не шептал. Померещилось.

Так же, как на площадке глазок с ресничками померещился!

И вообще было такое ощущение, что шепот раздается в ее голове, а не снаружи слышится...

Ничего себе! Это что, она прямиком идет по пути Валентины Ивановны?! Как-то рановато...

А куда ей надо было идти, интересно? Где ее ждут? И почему надо идти скорей?

Зойка еще раз огляделась – и вдруг заметила, что на красном контуре странной фигуры сидит пчела.

«Может, это пчела шептала?» – насмешливо подумала Зойка. В этот миг пчела взвилась – и с радостным жужжанием бросилась на цветок, который Зойка держала в руке.

В каком-то оцепенении она наблюдала, как пчела радостно зарывается в месиво розовых лепестков. Лепестки шевелились, раскрываясь перед ней. Казалось, встретились давние друзья и теперь обнимаются.

При виде этого Зойка вспомнила, как в далеком детстве мама читала ей сказку про Дюймовочку. И Зойка спрашивала, почему не может увидеть эльфов, с которыми теперь живет Дюймовочка. А мама ответила, что они превратились в бабочек, стрекоз и пчелок.

Может быть, и в эту пчелу превратился какой-нибудь эльф?

Пчела снова высунулась из цветка, и Зойка забыла про эльфов. У нее на миг возникло отвратительное ощущение, что пчела смотрит на нее... они как бы встретились взглядом, и Зойка поняла, о чем пчела думает.

О том, что неплохо было бы эту девчонку ужалить. В нос или в щеку. Или в губу. На самый худой конец – в палец. Да не важно куда, лишь бы ужалить.

Может быть, пчелы и не думают. Скорей всего, они живут инстинктами. Но у человека тоже есть инстинкты! Иногда они мобилизуются и помогают ему спастись из всяких экстремальных ситуаций. Вот и сейчас все Зойкины инстинкты мобилизовались – и в то мгновение, когда пчела взвилась с цветка и ринулась прямиком на Зойку, словно хотела прижать ее к

стене, там, где как раз была нарисована противная красная фигура, инстинкты сдернули Зойку с места, подтолкнули и заставили пуститься наутек.

Она слетела с лестницы, выскочила из подъезда и захлопнула за собой дверь.

Померещилось или пчела в самом деле ударилась в нее с таким грохотом, будто была сделана из камня или чугуна?

Да нет, наверное, просто дверь сама по себе так сильно хлопнула.

Пожав плечами, Зойка пошла своей дорогой – в травмпункт на улицу Нартова. Вернее, поехала на троллейбусе номер тринадцать. Вернее, потащилась!

Казалось, что у него все колеса заплетаются, а антенны, или как их, ну эти... троллейбусные рога, в проводах путаются. Он три или даже четыре раза останавливался, водителю приходилось выходить и поднимать антенны на провода, потому что они срывались!

Уже почти все пассажиры, изругав и этот троллейбус, и весь троллейбусный парк, и водителя, и муниципальные власти, и даже кондукторшу, которая была тут вообще никаким боком не виновата, вышли и пересели на маршрутки и автобусы. Может, и Зойке надо было выйти, но ее охватила какая-то странная лень, аж неохота было с места двинуться, и даже когда троллейбус дополз наконец до улицы Нартова, она еле-еле заставила себя подняться с сиденья и выйти на остановке.

С троллейбусом опять что-то, наверное, случилось, потому что он не трогался с места, а стоял с открытыми дверями и словно бы ждал Зойку. Словно надеялся, что она передумает и не пойдет в травмпункт.

Но она все же пошла.

За спиной послышался лязг сомкнувшихся троллейбусных дверей. Как будто кто-то тяжело, с сожалением вздохнул.

Зойка оглянулась.

Никого. Пусто. А кто там мог оказаться? Дверной глазок с ресничками? Ха-ха!

А вот и травмпункт. Зойка поднялась на крыльцо – и отшатнулась, потому что перед ней вдруг очутилась какая-то пчела. Зависла в воздухе, будто загоразивала дверь, и так висела, повернувшись к Зойке и угрожающе жужжа.

Оказывается, стоит вам однажды очутиться лицом, так сказать, к лицу с какой-нибудь пчелой, которая намерена вас крепко тяпнуть, как вы уже начинаете понимать весь остальной пчелиный род. Их намерения становятся вам совершенно очевидны. Перед пчелами природой поставлены две задачи: собирать нектар для производства меда и кусать людей.

Зойка очень сильно сомневалась, что с нее можно собрать нектар для производства меда. Она годилась только в объекты для кусания. Но эта роль, понятное дело, Зойке не больно-то нравилась.

«А говорят, что популяция пчел в мире сокращается, – угрюмо подумала она. – Или это только у меня сегодня какой-то пчелиный день?»

Из урны на крыльце травмпункта торчала скомканная газета. Зойка схватила ее и резко махнула на пчелу. Та шарахнулась в сторону. Зойка ринулась к двери, влетела в травмпункт... и чуть не вывалилась обратно на крыльцо, увидев на уровне своих глаз чьи-то ноги.

Я спросил электрика Петрова:
«Почему у вас на шее провод?»
Ничего Петров не отвечает —
Он висит и ботами качает, —

мелькнула в памяти одна из любимейших Юлечкиных страшилок, бородастая, как... как составитель известной таблицы Менделеева на портрете в кабинете химии, и пугающая куда меньше, чем контрольная по тому же предмету.

Бояться оказалось совершенно нечего: электрик – очень возможно, что он и в самом деле носил фамилию Петров! – совершенно даже не висел и ничем не качал, а стоял на довольно шаткой стремянке, причем обут он был не в какие-то там *боты* – само это слово было страшной всей страшилки про несчастного Петрова! – а в обычные шлепки-вьетнамки, вроде тех, в которых щеголяла Зойка, пока не получила урок правильного и безопасного обувания.

При виде этих шлепок Зойке стало ужасно смешно: «Везет этому электрику, что он уже в травмпункте! Если ушибет палец, может сразу обратиться к доктору...»

Стоп. А к какому доктору? Зойка даже фамилии его не знает. Как его найти? Хорошо, если он окажется на дежурстве, – а если нет?

Она пробежала по полупустому коридору и остановилась около дверей того кабинета, куда ее приводила мама. Зойка запомнила дверь потому, что на ней висел плакат, изображающий человека, лежащего под колесами автомобиля. Красный сигнал светофора пояснял, в чем причина трагического события.

Хоть Зойка при первом посещении травмпункта находилась практически в коматозном состоянии, она все же запомнила, что на двери висел только плакат. Теперь снизу оказалась прикреплена бумажка, на которой вкривь и вкось было написано следующее:

Бежишь, не ведая печали,
На красный ломишься, как бык,
А бесы уж тебя нагнали,
Простись со всем, к чему привык.

Уж не бежишь ты, друг мой милый,
И никуда ты не спешишь.
Теперь спокойно ты в могиле
Как мертвый труп один лежишь!

А коль пойдешь ты на зеленый,
Живым останешься навек.
Мать не утрет слезы соленой,
Ты будешь счастлив, человек!

Наверное, стихи сочинили на тот случай, если бы посетители оказались особо «продвинутые» и не сообразили, что и почему произошло.

Конечно, травмпункт был серьезным и не слишком-то веселым учреждением, но Зойка не удержалась и захохотала.

Захохотала она так, что дверь с плакатом распахнулась и из нее высунулся... тот самый толстый дядька, которого она уже видела сегодня утром и который сказал ей, что Константиновы в этой квартире не живут, а здесь давным-давно живут Страховы!

Теперь он был не в растянутых трениках, а в зеленоватой врачебной робе и шапочке, прикрывающей лысину, но от этого не стал более привлекательным.

– Хм, – сказал Страхов озадаченно. – Опять ты, что ли? Снова Константиновых ищешь? Здесь они точно не живут, ты уж мне поверь! И вообще, как-то тебя слишком много, тебе не кажется?

Зойка могла бы сказать о нем то же самое, что это его как-то слишком много: и в подъезде он, и тут он, – однако не стала. Общеизвестно, что рискнуть нахамить взрослым можно,

только находясь от них на приличном расстоянии – или если вам от них ничего не нужно. А Зойка стояла к Страхову чуть ли не вплотную, это раз, два – она ведь искала рыжего доктора, а спросить о нем предстояло именно у Страхова.

Нахамишь – ответа не получишь. Лучше воздержаться и не связываться. Поэтому Зойка только пожала плечами. Мол, она не знает, много ее или мало. Мол, Страхову виднее!

– Ну и чего ты ржала под дверью? – грубо спросил он.

Зойка хотела ответить, что ржут кони в поле, а люди смеются или хохочут, но опять же решила не связываться и опять же пожала плечами.

Страхов хмыкнул, pokrutil пальцем у виска и начал прикрывать дверь, но тут Зойка подала голос:

– А где другой доктор?

– Какой? – снова высунулся Страхов.

– Ну, такой... с рыжими волосами. У него вот здесь татуировка – BES.

– Э... – сказал Страхов. И снова: – Э-э...

И замолчал.

У него, похоже, пропал дар речи. Правда, ненадолго.

– Бес, говоришь? – повторил Страхов задумчиво. – Из этих, что ли? – И, ткнув пальцем в листок на двери своего кабинета, продекламировал:

А бесы уж тебя нагнали,
Простись со всем, к чему привык.

Конечно, Страхов издевался. Конечно, следовало бы фыркнуть, гордо повернуться и уйти, но Зойка не могла. Ей необходимо было все выяснить, чтобы вернуть медальон. Еще одной ночи в компании с разбушевавшейся совестью она бы просто не пережила!

– Другой доктор! – повторила Зойка настойчиво. – Высокий такой, рыжий. У него очень белые, поросшие рыжими волосками, конопа... то есть веснушчатые лапы... в смысле, руки. Он в этом кабинете позавчера работал. Я была у него на приеме. Я... хочу ему большое спасибо сказать. Он мне мизинец на ноге вправлял. И нога больше не болит!

И она в доказательство подрыгала левой ногой.

Страхов перевел взгляд на Зойкину кроссовку, потом поглядел ей в глаза и сказал:

– Жаль, что тебе никто мозги не вправил. У тебя глупость врожденная или благоприобретенная? Здесь и в помине нет такого доктора! Ни Константиновых никаких нет, ни беса татуированного.

Зойка чуть не разревелась от обиды. Вообще-то она была не слишком плаксивая. Вот у них в классе есть одна такая Манечка Лескова, у которой слезы просто живут на ресничках нижних век и льются, чуть только она голову наклонит. А Зойка предпочитала сдерживаться. Заплакать она могла только от обиды: например, если говорит правду, а ей не верят. Вот как сейчас Страхов не верил.

Но она сдержала слезы, потому что, глядя в глаза Страхову, вдруг поняла: он врет. Он нарочно ее злит, нарочно обижает. Ему это в кайф. Он хочет, чтобы Зойка заплакала! Заплакала, и ушла, и перестала спрашивать про доктора с татуировкой.

Может, Страхов его почему-то ненавидит. Может, у них профессиональное соперничество, и Страхов просто завидует? Может, этот BES у него пациентов отбивает. Может, ему платят больше за его золотые руки! А может, у него машина быстрее. Может, в квартире ремонт лучше.

Никогда ведь не поймешь, почему взрослые друг другу завидуют. Но у них зависть иногда переходит в ненависть и человек готов на все, чтобы испортить жизнь тому, кого он ненавидит и которому завидует.

Зойка понимала – так отчетливо, как будто ей кто-то об этом сказал по секрету, – что Страхов рыжего доктора настолько ненавидит, что даже не хочет, чтобы тому лишнее спасибо сказали! А потому он готов отправить благодарную пациентку восвояси, всяко ее оскорбив. Он будет просто счастлив, если Зойка заплачет. Есть люди, которым чужое горе для жизни необходимо. Чужие слезы для них – самая любимая подпитка. Мама называет таких людей энергетическими вампирами и садистами. Определенно, Страхов из их породы.

Но Зойка не доставит ему его садистского удовольствия. Придется вампиру немножко поголодать.

Он собрала все силы, сделала спокойное лицо и сказала:

– Ну, нет так нет. Я, наверное, травмпункты перепутала. Извините. До свиданья!

Страхов внезапно так побледнел, что Зойка даже испугалась – а вдруг энергетический вампир сейчас хлопнется в голодный энергетический обморок? Может, он уже несколько дней чужими слезами не подпитывался? А она с ним так жестоко... В самом деле, жалко ей было, что ли, выронить несколько слезинок?!

Может, всплакнуть? А? Самую чуточку?

Глаза Страхова смотрели в Зойкины глаза безотрывно, и она вдруг *увидела* этот жадный взгляд. *Увидела*, как у Страхова из зрачков выползли два черных червя с широко открытыми красными пастьми. Зубов у них не было, пасти казались мягкими, но от этого не становились менее мерзкими. Тем более что их окружали коротенькие такие волоски, похожие на реснички. Еще мгновение – и они присосутся к Зойкиным глазам и начнут высасывать из них слезы, причмокивая и облизываясь, а потом, чавкая, пожрут и сами Зойкины глаза.

«Девочка в платьице черном, чавкая...»

До чего же вовремя вспомнилась Юлечкина глупая страшилка! Зойка встрепенулась, моргнула – и черви исчезли, втянулись обратно в зрачки Страхова. Теперь у него были обыкновенные глаза – какого-то противного красновато-карего цвета.

Да нет, Зойке все это почудилось! Не могут черви выползти из человеческих глаз. Конечно, если он не «мертвый труп», как написано в этом дурацком стишке. А Страхов вполне живой, у него самые обыкновенные карие глаза, а белки красноватые, возможно, потому, что, Страхов сегодня плохо спал. Вот глаза и покраснели.

Это было очень разумное объяснение, но больше находиться в обществе Страхова Зойке не хотелось. Она повернулась и пошла по коридору к выходу из травмпункта.

Через несколько шагов оглянулась, увидела, что Страхов скрылся в своем кабинете, и стукнула в первую попавшуюся дверь.

– Войдите! – отозвался шамкающий голос.

Зойка вошла и оказалась в перевязочной.

Посреди громоздилась каталка, на стеллажах – металлические банки. В углу стояла маленькая, сухонькая санитарка в застиранном белом халате и низко, на самый лоб, повязанной косынке, напоминающей грязно-белую бандану. Пахло в кабинете мокрой известкой – как в квартире сразу после побелки. Или как пахнет в классе, когда доску вытерли грязной тряпкой и остались густые разводы мела. Только здесь запах был еще более сырой и как бы немножко земляной...

Санитарка при виде Зойки довольно ухмыльнулась и прошамкала:

– Никого ты не найдешь! Нету тут никаких бесов!

И захохотала.

Зойка хлопнула глазами. Да ведь эта мамаша Страхова! Та древняя-предревняя старуха, которая Костю Константинова назвала костью и сказала, что не возьмет в толк, кого Зойка ищет. И назвала ее дитяtkом!

На самом деле, конечно, всякое в жизни бывает. Старуха могла оказаться не столь уж древней, а вполне работоспособной. Надоело ей сидеть на пенсии и в телевизор тарашиться

– вот и пошла работать санитаркой. Сын ее пристроил в травмпункт. В этом не было ничего особенного.

Особенное было в радостном выражении ее маленьких глазок, которые тонули себе в морщинах, но при виде Зойки вдруг стали огромными, черными, радостными. В них словно бы зашевелились такие же черви, какие Зойка видела в глазах ее сына. И зашевелились в ее руках загипсованные бинты, словно змеи, которые готовы поползти к Зойке и загипсовать ее, задавить тяжелыми, сырыми, вонючими своими витками...

Она видела какой-то фильм... про человека, которого запеленали гипсовыми бинтами как мумию... И он умер в страшных муках...

Почему мамаша Страхова не удивилась, увидев Зойку? Откуда она знала, что та придет? Почему сказала: «Нету тут никаких бесов»?

Может, она ведьма, которая знает все наперед? Она ведьма, а сын ее – вампир. Правда, энергетический – но, может, и ведьмы энергетические бывают?

Запах мокрой извести вдруг показался отвратительно удушающим. Зойка вылетела в коридор.

Лишь только дверь в перевязочную захлопнулась, как стало легче. Мигом! Темная паника ушла. И мысли прояснились.

Бояться стыдно. Ведь все просто! Все объяснимо!

Старуха не удивилась ее появлению, потому что сын ей только что позвонил и сообщил, что неугомонная соседская девчонка пришла в травмпункт и ищет рыжего доктора. Сын науськал ее сказать, будто никакого доктора с татуировкой BES здесь нет и никогда не было.

Каждый развлекается по-своему. Эта семейка – тем, что морочит Зойке голову.

Наверное, они киндерфобы. Ненавистники детей. А что, запросто! Зойка давно, еще зимой, подслушала один разговор в учительской... Шла мимо, а там так хохотали, что она невольно остановилась и прислушалась.

– Мы все киндерфобы! – закричал Сан Саныч, преподаватель физики. – Все как один! Это у нас профессиональная болезнь! Нам ее привили еще в педвузе, а теперь инкубационный период закончился!

И все опять захохотали.

Зойка с удовольствием послушала бы, не скажет ли кто-нибудь из педагогов еще что-нибудь интересненькое, но тут в коридор вывалилась толпа пятиклассников во главе с их классной – Очковой Мымрой, – и Зойка быстренько сбежала.

Понятно, что учителя так сильно устают от детей, которых видят каждый день и которые их доводят как могут (даже мама, которая Зойку очень любит, и вообще она лучше всех на свете, иногда говорит, что дети, конечно, цветы жизни, но – на могилах родителей и учителей!), что начинают своих учеников со временем ненавидеть. Это и называется – профессиональная болезнь. Приобретенная! А вот у Страховых киндерфобия, ненависть к детям, наверное, врожденная.

А может, это только Зойка на них так действует? Может, именно она пробуждает в них самые худшие качества?

Это очень грустно, конечно... тем более что они соседи...

Да и ладно, что с того, что они соседи? Из всех соседей во всем своем подъезде Зойка знает только Валентину Ивановну (ее все знают!), а еще родителей Юлечки Комаровой и Сереги Сапожникова, да и то лишь потому, что с Серегой они учатся в одном классе и по утрам вместе несутся, вечно опаздывая, в переулок Холодный, где находится их школа номер 14 с углубленным знанием французского языка. А после уроков иногда возвращаются вместе.

Народу в их подъезде семиэтажки живет полным-полно, всех не упомнишь, встречаются раз в сто лет. Может, и со Страховыми повезет встречаться раз в сто лет? Или даже в двести?

Но рыжего доктора все-таки необходимо найти. Понятно, если в его кабинете расположился Страхов, значит, сегодня BES не дежурит. Но когда он дежурит, как узнать? Да просто походить по травмпункту и поспрашивать!

В кабинете с надписью «Рентген» рядом с могучим аппаратом стояла девушка с длинной косой, совсем на докторшу не похожая. Она была просто сказочная красавица, Василиса или Елена Прекрасная! Внимательно выслушала Зойку, ласково глядя на нее совершенно изумрудными глазами и перебирая изящными пальчиками поистине золотую косу. А потом ее рубиновый ротик приоткрылся, в улыбке показались жемчужные зубки – и докторша приветливо сказала очаровательным, мелодичным голоском, будто кошечка промурлыкала:

– Девочка, по-моему, тут что-то не то. Я в этом травмпункте довольно давно работаю, тут много врачей за это время сменилось, но такого, как ты описываешь... да еще с этой своеобразной татуировкой... Извини, мне кажется, ты что-то напутала. Честное слово, здесь нет и не было такого доктора! Если не веришь мне, зайди к главному врачу. Его кабинет в конце коридора.

Зойка поблагодарила и вышла. Добрела до конца коридора, постояла у кабинета с табличкой «Главный врач».

Дверь оказалась заперта.

Может, подождать, пока главный врач вернется? А какой смысл? Ей уже трое сказали, что врача с татуировкой тут нет. И не просто нет, а и не было никогда.

И Кости Константинова не было никогда?..

Ну ладно, Страховы могли наврать. И взять в свою вральную компанию красавицу докторшу. Но Зойкина мама-то врать бы не стала! А она тоже уверяет, что про Константиновых слыхом не слыхала...

У нее что, потеря памяти? Или это у Зойки что-то с головой?

Нет! У нее остался удивительной красоты медальон, который подтверждает, что Костя Константинов был на свете и жил в Зойкином подъезде.

Вот он, медальон. Висит на шее и блестит так, что, кажется, даже сквозь футболку просвечивает!

Как-то все это странно.

Почему мама забыла про Константиновых?

Совершенно непонятно!

Надо бы пойти домой и все хорошенько обдумать. Позвонить маме и спросить об исчезнувших соседях еще раз. И опять рассмотреть медальон, может быть, даже в увеличительное стекло, и попытаться что-нибудь понять... Или в Интернете поискать его изображение и значение этих трех прописных букв – BES.

И тут Зойку осенило: а что, если Костя, перед тем как исчезнуть вместе с отцом и рыжим доктором, нарочно оставил медальон?

Нарочно оставил – Зойке?! Но почему? Они всего два раза виделись и совсем не были друзьями. И это еще мягко говоря! А все же медальон валялся под ее дверью. И эти бумажки, которые были спрятаны внутри... Что, если они что-то значили? А Зойка их выбросила. Решила, что это просто дурацкие рисунки, бессмысленные слова.

Теперь она себя за это поедом ела – не хуже, чем совесть ночью. Нет, никакая не совесть это была – это были внутренний голос и интуиция. И они твердили Зойке, что она совершила ошибку, выбросив бумажки и сочтя Костю тупицей. На самом деле все не так просто, как ей показалось сначала.

На самом деле все совсем не просто, а совершенно наоборот!

Все запутанно, и постепенно запутывается сильнее и сильнее.

Надо вернуться домой. Надо обшарить мусорный ящик. Может быть, бумажки найдутся – и Зойка сможет разгадать смысл рисунков и слов? Вдруг это ключ... ключ к чему-то, к какой-то тайне?

Но мама говорила, что мусорные ящики ночью кто-то вымыл. Или даже вылизал! И весь мусор исчез.

Как нарочно...

Значит, Зойка ничего не найдет. Остается надеяться на свою память.

На память жаловаться ей пока еще не приходилось, особенно на зрительную. Стоило посмотреть на страницу учебника, как та впечатывалась в сознание. Поэтому сейчас почти без всякого напряжения Зойка вспомнила рисунок, который был запрятан в медальоне. Это было изображение кошки с глупой усатой рожей, лапами-ластами и лошадиными ногами, которые оканчивались щупальцами, как у медузы.

Но если в этом рисунке и крылся какой-то смысл, Зойка не могла его найти. Может, в странных словах он отыщется?

Что там было написано-то?.. Волк ест шалаш руками... нет, волк ест руками шалаш... И что-то еще, такая же абракадабра, только все было написано в столбик.

Так, поняла Зойка, нужно попытаться точно вспомнить каждое слово, и не просто вспомнить, а записать.

Ее раздрало такое нетерпение, что, казалось, просто невозможно ждать, пока она дойдет до дома и займется решением этой задачи.

Зойка огляделась... Вот повезло! Около подоконника, под батареей, валялась шариковая ручка! А на чем писать? В карманах ни клочка бумажки, даже одноразового платочка не нашлось.

Оглядев пустой коридор травмпункта, Зойка на цыпочках дошла до кабинета Страхова и, чуть дыша, осторожненько оторвала край листка, который был приклеен к плакату, призывающему переходить улицу только на зеленый свет.

Ей удалось оторвать полоску бумаги очень аккуратно, так что последняя строчка «*Ты будешь счастлив, человек!*» осталась нетронутой.

Зойка очень этому порадовалась. Может, ценный совет кому-нибудь пригодится!

Потом она положила листок на подоконник и, снова мобилизовав свою знаменитую память, написала в столбик – точно так, как было в записках Кости Константинова:

Волк
Ест
Руками
Шалаш
Икая
Ничто
Абракадабра
Яблоко
Радуется
Охая
Стул
Тряся
Искоса

Да, это вам не лев, который получает 2 по французскому в гнезде воробья! Зойка снова и снова читала и перечитывала эти слова, сверху вниз и снизу вверх, переворачивала листок...

Эти нелепые слова были чем-то объединены. Но чем?!

Волк

Ест
Руками
Шалаш...

Почему волк, почему ест, почему руками, почему шалаш?! Почему потом появляется яблоко, которое радуется?!

Внезапно до нее дошло... Ни волк, ни шалаш, ни яблоко, ни вообще вся абракадабра сама по себе не имеет смысла. Зато имеют смысл первые буквы этих слов!

Если прочитать только первые буквы сверху вниз, получается – *ВЕРШИНА ЯРОСТИ*. Нет, это два слова – *ВЕРШИНА ЯРОСТИ*.

– Вершина ярости?! – изумленно повторила Зойка.

Она по-прежнему ничего не понимала. Если и нашелся ключ, то где висит замок, который он должен открыть?

– Вершина ярости... – снова произнесла Зойка.

– Так, – внезапно каркнул над ее ухом ворон. – Пор-ртим казенное имущество?!

Зойка резко обернулась.

Какой ворон? Это никакой не ворон! Это доктор Страхов в своей зеленой робе замер за ее спиной, покачивается с носка на пятку, так и сверля Зойку взглядом. Из его глаз снова выдвигаются червяки с мягкими красными пастями и тянутся к ней!

Зойка тряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение, и увидела, что из соседнего кабинета медленно выходит мамаша Страхова. В руках она держала связку бинтов. Сырой, гипсовый, земляной запах залепил Зойкины ноздри и вполз в горло. Она стала задыхаться.

– У ярости вершины лопнули все шины! – раздался чей-то очаровательный, мелодичный, мурлыкающий голос, и Зойка увидела ту самую золотоволосую красавицу с изумрудными глазами из рентгеновского кабинета.

Она по-прежнему улыбалась своим рубиновым ротиком и показывала жемчужные зубки. Только теперь эта улыбка напоминала жуткий оскал черепа!

Оскал становился все шире и шире, во все лицо. Зойка остолбенело гладела, как кожа на прекрасном лице лопнула, по ней поползли трещины, и вот кожа начала расползаться в разные стороны, а потом и вовсе свалилась клочьями с головы бывшей красавицы, обнажив... глупо улыбающуюся кошачью морду с закрученными усищами!

Стройная фигура тоже меняла очертания. Вместо беломраморных ножек появились неуклюжие лапы-ласты, бедра расползлись вширь, а из них начали появляться лошадиные ноги, у которых вместо копыт извивались тонкие-претонкие щупальца, похожие на бахрому медузы.

Щупальца путались между собой, и не было им числа!

Зойка хотела закричать, но не смогла. Она совершенно оцепенела от ужаса.

Хотя бояться, конечно, стыдно...

И вдруг что-то отвратительно-мокрое коснулось ее пальцев. Это были гипсовые бинты, связку которых бросила на пол мамаша Страхова. Бинты пытались распутаться, поднимались над полом, стремились к Зойке, готовясь стиснуть ее своими шершаво-мокрыми, мгновенно каменеющими кольцами, сдавить до смерти. Они так спешили убить ее, что пританцовывали, точно змеи под дудочку заклинателя... Зойка видела таких змей в каком-то фильме...

Эта насквозь обыденная мысль – о фильме! – словно бы выдернула ее из оцепенения.

Зойка отдернула руку – и гипсовый бинт звучно шмякнулся наземь. Он тотчас растерянно завозился, пытаясь подняться. Это было смешно, но Зойке было не до смеха.

– Стой! – закаркали, завизжали, замяукали на разные голоса Страхов, его мамаша и кошка с медузой бахромой, но Зойка их не послушалась.

А кто бы на ее месте послушался? Кто бы не бросился наутек с такой скоростью, словно за ним черти гнались?

Только эта компания казалась Зойке гораздо хуже всех на свете чертей!

«Жуткари!» – словно бы раздался в голове чей-то насмерть перепуганный крик, и Зойка поняла, что это крик ее собственных насмерть перепуганных мыслей.

Ну да, бояться стыдно, однако пора не стыдиться, а спасаться!

Зойка свернула в боковой коридор и почти сразу оказалась у лестницы. Скатилась по ней – и увидела, что «электрик Петров» все еще стоит на шаткой стремянке в своих шлепках-вьетнамках и возится с лампочкой. Зойка хотела обежать стремянку, но что-то грозно вжикнуло сбоку – словно пуля, только это была не пуля, а пчела!

Неужели та же самая?! Значит, она все же влетела в дверь! Вот же зараза!

Зойка снова на какой-то миг встретила с пчелой взглядом, покачнувшись – и врезалась на всем бегу в стремянку!

Та рухнула.

Зойка каким-то чудом удержалась, скользя по кафельному полу будто на роликах и совершая немыслимый пируэт, какой ей удавался крайне редко, а тут вдруг взял да и получился. Сделала еще несколько прыжков к двери, как вдруг до нее дошло, что стремянка-то с грохотом упала, а стоявший на ней человек – нет.

Зойка обернулась.

«Электрик Петров» на полу не лежал. Но на уровне Зойкиных глаз что-то качалось... какие-то бахилы или ботинки войлочные, растоптанные...

«Боты! – неожиданно для себя самой догадалась Зойка. – Это и есть боты!»

Она перевела взгляд выше.

«Электрик Петров» висел под потолком, качая этими своими ботами, которые откуда-то появились у него на ногах вместо шлепанцев, – висел, перехлестнутый за шею проводом, смиренно склонив голову, покрытую длинными черными волосами.

Чем-то мутным, зловонным, мертвенным повеяло вокруг, и тут оцепеневшая Зойка услышала, что пчела снова грозно вжикнула рядом, словно хотела цапнуть ее, да промахнулась, но опять зажужжала, заходя на второй круг.

Зойка обнаружила, что жуткари – Страхов, его мамаша и кошка – уже рядом!

Да еще и пчела атакует снова!

Зойка ударилась в дверь и вырвалась из травмпункта в отчаянной надежде, что весь этот кошмар окажется наваждением местного производства, да так там и останется, за дверьми.

Но нет... не остался!

Впереди всех, то у одной Зойкиной щеки, то у другой, мелькала пчела. Чуть отстав, мчалась, быстро-быстро перебирая щупальцами, кошка, шлепая ластами лап, словно сама себе аплодируя. Иногда ее обгонял Страхов. Он подхватил мамашу и посадил ее себе на плечо. И несся, несся вперед, придерживая старуху одной рукой, но другая, свободная, рука с каждым мгновением удлинялась, уже готовая вцепиться в Зойку, и порой отпихивала в сторону кошку, если та перекрывала дорогу.

Лидеров с каждой минутой нагонял, явно желая присоединиться к погоне за Зойкой, «электрик Петров»: по-прежнему с проводом на шее, с закатившимися глазами и мертвенно-бледным лицом. Провод он придерживал руками, чтобы не путался в ногах, однако все равно отставал, потому что боты оказались явно проворней, чем он, и порой мешали развить скорость. Они то и дело срывались с его ног и начинали бежать сами собой, однако немедленно спохватывались, виновато возвращались к «электрику Петрову», надевались на ступни и какое-то время продолжали погоню, как обожала говорить Зойкина преподавательница французского Мадам Жужу, ensemble, то есть вместе.

– Помогите! – взвизгнула Зойка, увидев группу каких-то парней впереди.

Но парни только вежливо расступились, пропуская ее.

– Эй, ноги не переломай! – донесся вслед насмешливый совет.

Зойка обернулась – чтобы увидеть, как Страхов, прихватив свободной рукой кошку, взвился в воздух, перескочил или перешагнул, она толком не поняла, парней, а потом отпустил кошку – и они вновь побежали наперегонки.

«Электрик Петров» легко и просто прошел сквозь компанию парней.

Такое ощущение, что те никаких жуткарей даже не заметили... Как будто их и не было вовсе!

«А может, так и есть? Их никто не замечает, потому что их не существует? Может, у меня глюки? – в отчаянии подумала Зойка. – Может, я просто спятила?!»

Кажется, ничего и никогда в жизни она так не хотела, как оказаться спятившей на почве каких-то неведомых глюков! Ведь спятивших лечат и глюки развеивают. И человек забывает про то, что свело его с ума.

Но для того чтобы вылечиться, нужны врачи.

Ого, врачи! «Врачи» были рядом, вот они, но Зойка изо всех сил старалась оказаться от них подальше.

Погоня продолжалась, и постепенно Зойка кое-как собралась с мыслями, справилась с паникой и осознала, что жуткая тройка из травмпункта уже давно сцапала бы ее, если бы им не мешала... пчела.

Пчела жужжала почти у самой Зойкиной щеки, однако и не думала тяпнуть ее, а своим угрожающим жужжанием только заставляла бежать скорей. А иногда она отрывалась от Зойки и, что было совершенно непонятно, начинала нападать на преследователей.

Зойка один раз обернулась и увидела такую атаку.

Страхов, пытаясь отмахнуться от пчелы, которая, чудилось, атаковала и сверху, и снизу, и со всех сторон одновременно, уронил мамашу, споткнулся о нее и упал сам. Кошка налетела на них, запуталась в своих многочисленных конечностях и с жалобным мявом простерлась на тротуаре рядом. Тут же, не разглядев своими закатившимися глазами помехи, повалился босоногий «электрик Петров». Его боты нетерпеливо приплясывали и подпрыгивали рядом. А над ними то зависала, то падала, как пикирующий истребитель в фильмах про войну, пчела, и теперь ее жужжанье в самом деле напоминало завыванье самолета, идущего в пике.

Судя по воплям, которые издавали то Страхов, то мамаша, то кошка, то нервные боты «электрика Петрова» (сам он молчал, как и положено мертвецу), пикировала пчела не просто так, а жалила эту публику почему зря.

И снова этого никто не замечал... Впрочем, и народу-то в этот миг не оказалось на улице, замечать было просто некому.

Однако, увидав, что Зойка замерла и остолбенело разглядывает причудливую кучу-малу, пчела оставила ее преследователей в покое и, не то визжа, не то жужжа, ринулась к ней. Желтые выпученные пчелиные глаза были полны злости, а из плоского, как бы шерстяного рта торчало заостренное жало, готовое тяпнуть, да так, что мало не покажется.

Будь у Зойки время, она задумалась бы над тем, каким образом можно видеть *лицо* пчелы. Но времени на такие глубокие размышления совершенно не имелось. Она лишь мельком удивилась: ведь пчелы, согласно каким-то там законам природы, погибают, ужалив человека или животное и оставив в его теле свое жало. А эта ничего: нажалила Страхова с компанией – и жива-живехонька, летит и летит, еще и Зойку норовит тяпнуть...

Может, потому, что те, кого она жалила только что, не были ни людьми, ни животными? Жуткарями они были... А если она тяпнет вполне человеческую Зойку, законы природы все же сработают? И пчела падет мертвой?

Вопрос такой: не падет ли рядышком и мертвая Зойка?

Ставить такой опыт и жертвовать собой ради каких-то там законов природы не было ни малейшего желания. Поэтому Зойка опять припустила со всех ног, подгоняемая пчелой, кото-

рая мелькала то справа, то слева, взвизгивая особенно грозно, стоило хоть чуть-чуть замедлить бег или споткнуться.

Через несколько минут пчела исчезла, и Зойка остановилась перевести дух, в безумной надежде, что все кончилось.

Надежда и в самом деле оказалась безумной: Страхов и его травмоподельники приближались, а пчела пыталась их задержать.

Так она и металась, то атакуя преследователей, то гоня вперед Зойку, и наконец до девочки, которая почти одурела от страха и стремительно бега, но все же не вполне утратила мыслительные способности, дошло, что пчела гонит ее не просто так, в какое-то там неведомое «вперед», а подгоняет к дому.

К Зойкиному понятно, не к своему, пчелиному! Спасибо и на том! Хотя... вряд ли слово «спасибо» в данной ситуации вообще уместно...

Зойка бежала какими-то закоулками и проходными дворами, которые сократили путь раз в десять и о которых она раньше не имела ни малейшего представления, бежала с невероятной скоростью, и угол Ошарской и Горького, где стоял родной дом, неуклонно приближался.

То есть что, она ведет весь этот ужас к себе?! – вдруг осознала Зойка. Нет, нельзя, это невозможно! А как же соседи? А как же мама?!

Очень может быть, что она и не заметит команду Страхова, как не заметили те парни, которые посоветовали Зойке не ломать ноги, как не замечали и немногочисленные прохожие, которые изредка попадались навстречу. Ведь никто из них наутек не бросался, в ужасе не орал, в обморок не грохался, мобильники не выхватывал, чтобы позвонить в милицию, «Скорую», МЧС, пожарным или чтобы снять диковинное зрелище на видео и отправить в какую-нибудь программу новостей или прямиком на ТВ-3... Да, возможно, жуткарей мама и не заметит. Но разве она не заметит того, что останется от Зойки, когда жуткари настигнут ее и над ней пороботают гипсовые бинты старухи, щупальца кошки, черви из глаз Страхова?

Даже представить страшно...

Мама этого не переживет, точно не переживет! Или умрет на месте, или сойдет с ума...

Нет, лучше, как Иван Сусанин, пожертвовать собой. Завести этих чудовищ в какой-нибудь укромный закоулок и там героически принять смерть.

Хорошо бы, мрачно подумала Зойка, если бы ее вовсе уничтожили, если бы даже следа от нее не осталось, если бы никто никогда не узнал о ее ужасной судьбе. Тогда у мамы осталась бы надежда, что Зойка когда-нибудь вернется, скажет: «Приветики!», бросится на шею, поцелует, а потом осторожненько сожмет пальцами уголки маминого рта, чтобы губы собрались в смешную трубочку, и потребует: «Скажи «лимончик»!»

От милых сердцу воспоминаний она расслабилась было, даже слегка всплакнула и замедлила свой нереально стремительный бег, но тут же пчела яростно зажужжала рядом – и ноги сами понесли Зойку к дому, совершенно против ее воли.

Да, Сусанину в свое время приходилось куда легче! Рядом с ним не было этой неутомимой пчелы!

Умом-то Зойка хотела увести преследователей к заброшенным сараям: там в высоченной полыни можно пятнадцать кровавых преступлений совершить – и об этом даже не узнает никто, – однако тело и, главное, ноги ей уже совершенно не повиновались. Тело знай отшатывалось, когда пчела возникала то справа, то слева, гоня Зойку к дому, а ноги с невероятной скоростью несли ее и несли, и вот уже внесли во двор, вогнали, можно сказать, в подъезд и начали поднимать по лестнице.

Правда, сильно высоко не подняли. На площадке между первым и вторым этажами, около почтовых ящиков, как раз напротив фигуры, нарисованной красной краской на стене, пчела вдруг взревела дурным голосом прямо за Зойкиной спиной, словно норовила ужалить ее в затылок.

Зойка ломанулась куда глаза глядят – а глаза ее в это мгновение глядели прямо на фигуру. Зойка прильнула всем телом к красным линиям и... ощутила, что стена мягко прогнулась под ее телом, принимая его, будто некий вертикальный батут, а потом батут разверзся – и Зойка, с трудом удержав равновесие, куда-то вбежала... в какой-то тихий белесый туман.

Туман мигом потемнел и еще более сгустился, как будто его возмутило, что Зойка оказалась в нем. Или, наоборот, обрадовало. Может, кому-то и известно, как туман выражает те или иные чувства, но Зойка про это знать не знала. Она даже не подозревала, что какие-то чувства у тумана вообще имеются!

Однако он из мутного воздуха превратился в какой-то туманный кисель или кисельный туман, кому как больше нравится.

Белый такой, как молоко. Молочный кисель – это ужжжас...

Как ни странно, в этом молочном киселе оказалось возможно дышать.

Зойка замерла. Она была рада возможности передохнуть и, хотя продолжала затравленно озираться, совершенно ничего не видела. Это было плохо. Но во всяком «плохо» всегда есть и свое «хорошо». Если она не видит никого, то, наверное, и ее никто не видит: ни враги, Страхов со своими безумными жуткарями, ни пчела, которая была не понять кем, другом или врагом. Такое ощущение, что она Зойку спасала от Страхова и прочих уродов – физических, но, несомненно, и моральных! – для того, чтобы загнать ее в этот кисель. И, сочтя свою миссию выполненной, она исчезла.

Куда она подевалась? Все еще трепещет крылышками в этой белой мгле или пробила ее насквозь на полной скорости? А может, и Зойке попытаться выбраться? Но куда, в какую сторону выбираться? Ничего ведь не видно!

Однако не век же тут стоять, подумала Зойка. Вдруг у этого киселя обнаружатся не только защитные, но и вредные свойства? Вдруг он начнет ее потихоньку разъедать, как серная кислота?

Хотя серная кислота, говорят, разъедает отнюдь не потихоньку: от нее человек так орет, в смысле, от боли орет, что на километр слышно!

А может, этот кисель одновременно анестезирует разъедаемое существо? Зойка абсолютно ничего не чувствует, никакой боли, а между тем у нее уже нет ног или рук...

Хотя, если бы не было ног, Зойка бы уже упала.

А куда? Куда бы она упала, если не ощущает ни верха, ни низа?! Ну и что, что не ощущает: туман может обладать не только анестезирующими, но и поддерживающими свойствами. Так что вполне вероятно, что уже исчезли, растворились ее ноги вместе с носками и кроссовками, а также шрамом под левой коленкой – драгоценной памятью о том, как она напоролась в прошлом году в походе на коварный сук, и чуть не истекла кровью, и не могла идти, и Обожаемый Игорек, который был руководителем похода, сначала собственноручно забинтовал Зойкину ногу, а потом пять километров нес ее (Зойку, конечно, а не отдельную ногу, нога тогда была при ней, хоть раненая и ужасно болящая) до больницы, чтобы Зойке могли сделать укол против столбняка, и это, конечно, были самые счастливые мгновения ее жизни! И ей было ужасно жаль, что шрам постепенно сходит и когда-нибудь сойдет совсем.

Сойдет? А может, он уже растворился в киселе вместе с левой ногой, а также правой?!

Зойка задергалась всем телом, задрыгала ногами, замахала руками, завертела головой... Поскольку что-то совершенно определенно дергалось, дрыгалось, махало и вертелось, тело, ноги, руки и голова были пока при ней.

Столь резкие движения имели грандиозный успех: рукам вдруг стало прохладно, на них как будто подул легкий ветерок, и Зойка догадалась, что они высунулись из киселя наружу. Тогда она изо всех сил забилась, запрыгала, будто карась, выброшенный на берег, она колотила этот кисель кулаками, месила его, она его топтала и бодала, и вот плотная завеса, окутывавшая

ее, наконец-то начала раздвигаться, потом распалась на клочья, которые очень быстро рассеялись, и Зойка обнаружила, что находится на улице.

На какой? Да на какой-то самой обыкновенной, состоящей из невзрачных серых панельных семиэтажек. Таких улиц полным-полно в любом городе, они все ужасно похожи, все на одно, можно сказать, лицо, и в Нижнем Новгороде их тоже хватает, но рядом с Зойкиным домом таких улиц точно не было.

Она попыталась понять, где оказалась, что это за место, но не смогла.

Зойка осторожно двинулась по улице, и чувствовала она себя при этом довольно противно. Вообще плохо не знать, где ты находишься, но было в этой незнакомой улице что-то еще... что-то отвратительное.

Ей хватило нескольких минут, чтобы понять, в чем дело. Полное безлюдье царило вокруг! Окна всех домов были одинаково непроглядны. Мимо Зойки не шли люди, не ехали машины, не бегали собаки и не шмыгали украдкой кошки, не вспархивали птицы, не пищали комары и не жужжали мухи.

Ну и пчелы тоже не жужжали. Ни одной пчелы не было видно и слышно в обозримом пространстве!

Зойка огляделась.

Пять минут назад было вообще невозможно вообразить, что она соскучится по той свирепой пчеле, которая ее сюда загнала. Но томительное беззвучие тревожило и пугало чуть ли не больше, чем недавняя погоня жуткарей и пчелиные атаки.

Тишина наполняла уши как вода. Забивалась в нос и отнимала дыхание. От нее сердце билось с переборами. Подкашивались ноги и немели, стыли руки.

Зойка уже готова была заорать, чтобы услышать хотя бы свой крик. А если не услышит? Если ее крик угаснет в этом беззвучии, канет в него и растворится в нем, будто крупинка соли в огромной реке?

Вдруг ее коснулось какое-то движение воздуха, словно бы ветерок долетел.

Зойка огляделась – и вздрогнула от радости. К ней приближалась маршрутка – обыкновенная маршрутка, каких полным-полно в Нижнем. Они называются «пазиками», потому что делают их на Павловском автозаводе. Они довольно симпатичные, пока новые, но очень скоро теряют всякий вид, грохочут, фырчат, лязгают, да и бензином их заправляют каким-то ужасно вонючим и чадным.

Однако маршрутка, которая приближалась к Зойке, была, видимо, заправлена совсем другим бензином. Запаха от нее не исходило никакого. Да и грохота тоже. Она двигалась совершенно бесшумно! Очень может быть, что и вони бензиновой не ощущалось потому, что здешняя атмосфера не пропускала не только звуков, но и запахов.

Однако Зойка на все это не обратила ни малейшего внимания. Главным для нее было то, что в маршрутке она увидела людей!

Наконец-то! Она даже не представляла, что может им так обрадоваться!

Это были самые обычные люди. Мужчины, женщины, дети. Правда, они показались Зойке слишком уж сосредоточенными, задумчивыми и даже печальными.

«Может, на похороны едут? – мелькнула мысль. – Или с похорон?»

Но это было не важно. Главное – люди! Сейчас Зойка заговорит с ними и нарушит эту ужасную тишину. Сейчас она выяснит, куда попала, что это за район, она поймет, что делать дальше. Вот только... где автобусная остановка? Если Зойка упустит эту маршрутку, будет ужасно! Придет ли вторая?

– Остановись, остановись! – прошептала она умоляюще, чувствуя, как шевелятся губы, но по-прежнему не слыша ни слова.

«Как же я буду этих людей спрашивать? – мелькнула мысль, от которой лопатки Зойкины словно бы ледком подернулись. – И если даже они меня услышат, я-то их услышу или нет?!»

И в это самое мгновение маршрутка замерла рядом с Зойкой.

Открылась задняя дверца.

Помедлив только минутку, Зойка осторожно поставила ногу на ступеньку, в каждое мгновение готовая отпрыгнуть и кинуться наутек.

Но, во-первых, она не знала, куда будет утекать, а во-вторых, ничего ужасного не происходило. Тогда она несмело поднялась по ступенькам и вошла в салон.

За спиной бесшумно сомкнулись дверцы – Зойка поняла это по движению воздуха.

И только тут до нее дошло, что на маршрутке не было номера. Куда она вообще направляется? Может, это какой-то служебный автобус?

Да какая разница, на чем и куда ехать? Главное – люди кругом!

Все места в маршрутке оказались заняты, только сбоку, у самой двери, пустовало отдельное сиденье. Зойка ввинтилась в этот укромный уголок и стала оглядываться.

На нее никто не обратил ни малейшего внимания. Все неподвижно, сосредоточенно смотрели вперед.

«Наверное, надо заплатить за проезд, – подумала Зойка нерешительно. – Или, если автобус служебный, платить не надо?»

Она уже приподнялась, чтобы дойти до водителя и спросить, как вдруг маршрутка резко увеличила скорость, и Зойку снова отбросило назад. Она плюхнулась на сиденье, а все остальные пассажиры встали, словно собрались выходить на ближайшей остановке.

Однако маршрутка мчалась быстрее и быстрее, а люди продолжали стоять.

И тут Зойка ощутила, как спереди, от водительской перегородки, пошла тугая волна воздуха. Она двигалась медленно, но неотвратимо, закручивая головы и тела пассажиров словно бы каким-то темным вихрем из мельчайших песчинок. А когда вихрь рассеивался, вместо человеческих голов и тел у людей оказывались головы и тела зверей и птиц.

И не то что человек был человеком, а превратился в льва или курицу! Нет, части тел птиц, зверей, змей, лягушек и даже насекомых оказались самым причудливым образом перепутаны!

Петушинный гребень качался на змеиной голове, венчающей тело мощного коня на тонких и слабых мышинных лапках. Умная голова овчарки вертелась на теле ящерицы с обезьяньими лапами и пышным лисим хвостом. Крошечная мышинная мордочка оказалась на теле быка – а бычья голова угодила на тельце нелепо увеличившегося комара и издавала глупое губошлепое лягушиное кваканье...

Волна продвигалась к Зойке, и все меньше и меньше людей оставалось рядом, и все больше монстров окружало ее. Она взвыла бы от ужаса и нереальности происходящего, она билась бы телом в дверь, чтобы выбраться на волю, если бы некоторое время назад не наблюдала довольно долгое время злобную кошку с лапами вместо передних лап, с лошадиными ногами на медузых щупальцах. То есть Зойка успела чуть-чуть привыкнуть к жуткарям, а потому ей удалось как-то усмирить свой страх перед происходящим.

Но самое страшное дошло до нее не сразу...

«Что же получается? – наконец спохватилась Зойка. – Сейчас меня тоже накроет эта волна?! И тоже сделает такой же, как та женщина-кошка, или еще ужасней, как все они?! Я тоже стану жуткарем?! Жуткарихой?!»

Поздно было, уже поздно было спохватываться – волна нахлынула на нее!

Пыльным вихрем запорошило глаза, пыль полезла в нос, голову словно бы потянуло в разные стороны одновременно – и что-то резко обожгло кожу на груди.

Зойка, зажмурившись, прижала ладонь к груди – и поняла, что обжигает ее медальон. Тот самый, нарочно подброшенный ей (в этом она уже не сомневалась!) бесследно исчезнувшим Костей Константиновым, тот самый медальон, с тремя странными буквами BES. С такими же буквами, какие были на руке бесследно исчезнувшего рыжего доктора...

И тут Зойка почувствовала, что пыль ее больше не окружает, она рассеялась.

Волна прошла.

Зойка опасливо глянула на руки – это ее руки, человеческие! Ноги – прежние, с драгоценным шрамом под левой коленкой.

Зойка торопливо ошупала себя – это ее, ее собственное тело, и конечности, как верхние, так и нижние, и голова с короткими волосами, и лицо – может, не идеальной красоты, но человеческое!

Все на месте.

Волна не изменила ее. Почему? Неужели медальон...

Неужели ее спас медальон?

Ни обдумать эту мысль как следует, ни удивиться, ни порадоваться Зойка не успела. Звериные, птичьи, змеиные головы пассажиров начали медленно, по одной, к ней поворачиваться. А лапы, когти и щупальца – к ней протягиваться...

Зойка метнулась к двери, попыталась разжать створки и выскочить на ходу – напрасно. Сил не хватало.

Кинулась к заднему окну, ударила в него обоими кулаками – тоже напрасно!

Зойка припала лбом к стеклу, готовая заорать от страха, и тут увидела, что вслед за маршруткой бежит человек.

Бежит со всех ног, и машет руками, и что-то кричит...

Да это Костя! Костя Константинов!

Откуда он здесь взялся? Зачем бежит? Что кричит? А главное – *зачем* кричит, если Зойка не может его слышать?

Что-то впилося в ее плечо. Это было щупальце осьминога с пупырчатými присосками. Ледяное бородавчатое щупальце! За другое плечо уцепилась корявая куриная лапа. Замычал над ухом бык. Зашипела змея. И замыкала кошка...

Не оборачиваясь, не глядя, Зойка поняла – это *та самая* кошка настигла ее. Кошка с лапами, кошка из травмпункта!

Откуда она взялась здесь?!

Да какая разница! Кажется, ответа на этот вопрос Зойка уже не узнает...

Насекомоглавые, птицекрылые, зверообразные чудища тащили ее в глубину маршрутки, но Зойка цеплялась за стойку у окна, не отрывая взгляда от бегущего Кости. Он бежал очень быстро, он подбегал ближе и ближе, но он не успеет, не успеет...

Кажется, он и сам это понял, потому что остановился и отчаянно ударил себя в грудь, словно признавая свое поражение.

Нет... Нет, не поражение! Зойка поняла, что значил этот отчаянный жест! Это была подсказка!

Она выхватила из-под футболки медальон и обернулась к жуткарям.

Медальон в ее руках трепетал и вибрировал, словно в середине его билось живое сердце. Такой ослепительный свет исходил из каждого камешка, которыми он был покрыт, что Зойка несколько мгновений ничего не видела, а только чувствовала, что волна родилась снова, но идет теперь в обратном направлении, идет от нее, оставляя за собой... людей, к которым медленно, как бы неохотно возвращался человеческий облик. Их головы еще сидели криво, тела были перекошены, руки и ноги короче одна другой. Рты и глаза перепутались местами, некоторые лица пока оставались пустыми, как у тряпичных кукол, которым еще не нарисовали физиономии и не пришили волосы.

И неизвестно, что было страшней: зверообразная масса жуткарей – или безликая масса полулюдей.

Только кошка не изменилась и с ненавистью смотрела на Зойку, пытаясь подобраться к ней, но недопревратившись в людей жуткарей еле двигались, и выбраться из их массы кошка не могла.

Тем временем Костя догнал маршрутку. Тигриным прыжком вскочил на бампер, кулаком врезал по стеклу... оно разлетелось бесшумной тысячью крохотных осколков. Костя спрыгнул на мостовую, махнул рукой Зойке.

Не раздумывая, та нырнула в разбитое окно, как в воду, уверенная, что Костя ее поймает. Так и получилось, но все же они не удержались на ногах и покатались по мостовой.

Распластавшись на жестком асфальте, Зойка не почувствовала боли, но не удивилась этому. Кажется, пришло время вообще ничему не удивляться, иначе просто спятишь.

Костя первым вскочил, схватил Зойку за плечи, поднял сильным рывком.

– Что это было? – пробормотала Зойка, хватаясь за Костю, чтобы не упасть. – Что за люди были там, в маршрутке?!

– Это люди, которые умерли от страха, – вздохнул Костя. – Они настолько верили во всякие выдуманные ужасы, были настолько суеверны, что продали страху свои души. Страх погубил их. После смерти они обречены пополнять ряды жуткарей и призраками возвращаться в свой мир, чтобы пугать и губить других. Но ты вернула им человеческий облик, теперь они лишены своей губительной силы. Теперь они просто исчезнут и не будут больше мучить людей.

– Это все медальон, – скромно сказала Зойка.

– Да. Потому что это талисман Бестиария. Береги его, – серьезно сказал Костя, глядя Зойке в глаза, а потом протянул руку и представился: – Кость. Младшая Кость Бестиария.

Все-таки пришлось удивиться еще раз.

Младшая Кость!!! Это сумасшествие какое-то...

Зойка хотела спросить – он что, над ней издевается, но неудобно было так разговаривать с человеком, который ее только что спас.

Да и вообще... она уже такого навидалась, что могла во все поверить!

Даже в то, что мальчишку могут звать Младшей Костью Бестиария.

– А я думала, тебя Костя Константинов зовут, – слабо улыбнулась Зойка, пожимая протянутую руку, которая оказалась на удивление твердой и сухощавой. – Значит, ошиблась. Ну, будем знакомы. Зоя Семенова.

– Нет, – покачал головой Кость. – Ты снова ошибаешься. Тебя зовут Вершина Ярости.

В голосе его прозвучало уважение, нет – даже почтение, и Зойке стало неловко. Так с ней еще никто не разговаривал!

– Та бумажка! – вспомнила она. – Там было написано про Вершину Ярости. Ты записку для меня оставил? Нарочно?

Кость кивнул.

– А почему слова были такие странные? Как игра в чепуху? Как будто разные люди писали и рисовали? – допытывалась Зойка.

– Нет, это не чепуха, – усмехнулся Кость. – Это было коллективное послание. Зашифрованное к тому же. Всем нам пришлось таиться, прятать эту бумажку, мы писали в разное время, но знали, что рано или поздно кому-то удастся выбраться к людям и передать тебе наше послание.

– Как это – выбраться к людям? – нахмурилась Зойка. – А ты кто же?! Ты выглядишь как нормальный человек, только слишком худой.

– Ну, ведь я же Кость, – спокойно сказал он, как если бы сообщил: «Я учусь в седьмом классе» или: «Я спортсмен». – Но вообще это сложно объяснить... я не смогу.

– А почему вы передали свое послание именно мне? – недоверчиво спросила Зойка.

– Потому что ты – Вершина Ярости.

– А что это такое? – прошептала она, чувствуя что-то вроде священного ужаса, так торжественно и печально прозвучал голос Кости.

– Сложно объяснить, – повторил Кость, и Зойка вдруг вспомнила ту сцену из фильма «Дары смерти», где Гарри Поттер разговаривает с гоблином Крюкохватом. – Я постараюсь, но лучше бы это сделали Старшие Кости. Или Мозг. Или Глаза...

Все эти слова он произносил как бы с большой буквы, будто это были чьи-то имена, а не названия частей тела.

– Или Сердце? – продолжила Зойка, стараясь улыбнуться и перевести все эти пугающие непонятки в шутку.

Однако Кость печально вздохнул:

– Сердца у Бестиария нет и быть не может. Иметь сердце – значит, жалеть. А жалеть ему нельзя... Нет, с сердцем тут не справиться.

– Почему не справиться? С чем не справиться? С кем?!

– С жуткарями, – ответил Кость.

Зойка так и ахнула:

– Ты знаешь это слово?! А я думала, что сама его придумала!

– Не ты придумала – это пчела Чертополоха тебе нажужжала.

– Пчела? Та, что загнала меня сюда?!

– Она самая.

– Пчела Чертополоха... Они друзья?

Зойка вспомнила, как пчела ринулась к Чертополоху и зарывалась в его лепестки, а он раскрывался ей навстречу, будто был страшно рад, а может, даже счастлив.

– Так оно и есть, – проговорил Кость. – Пчела должна все время на Чертополохе сидеть, но иногда все же улетает, и тогда Чертополох тоже может сорваться со Зверопалого и отправиться ее искать. Понимаешь, когда ты выбросила портрет Кошкодузы...

– Это кошка с лапами на медузье бахrome? – догадалась Зойка. – С такой глупой рожей? Та, которая гналась за мной из травмпункта вместе со Страховым, его мамашей и этим электриком Петровым?

– Она самая. Кстати, бахромы берегись, она ядовитая, – предупредил Кость.

– Кто бы сомневался, – вздохнула Зойка.

– Вместе с Кошкодузой, – продолжил Кость, – были Страх, Мать Страхов и еще один жуткарь. Разумеется, он никакой не электрик и никакой не Петров. Ему просто эта страшилка нравится, вот он и прикидывается повешенным электриком. А вообще-то его зовут Мертвый Труп.

«Как мертвый труп один лежишь», – всплыла в Зойкиной памяти строка из нелепого стишка, который она прочла в травмпункте. Странное совпадение... Или это какое не совпадение?

Зойка хотела сказать, что труп и так однозначно мертвый, зачем уточнять, но потом вспомнила, что в Драмтеатре одно время шел спектакль под названием «Живой труп». Зойка почему-то решила, что это какой-то ужастик. Но мама рассказала, что это всего-навсего история про одного человека, который распустил слухи о своей смерти, а сам был жив – просто из дому ушел, но потом все же умер.

Воспоминания промелькнули в Зойкиной голове в единый миг – и показалось, что это было как бы не с ней, а если и с ней, то очень, невыразимо давно! – в той жизни, о которой пока лучше не вспоминать, чтобы не начать рыдать от тоски и кричать «Хочу домой! К маме хочу!».

Но вдруг Зойка обнаружила, что рыдать и кричать ей не хочется. Более того – если бы вдруг сейчас перед ней распахнулась некая дверь в прежнюю жизнь, в которой она не знала никаких бед серьезней двойки по французскому языку и ссор с мамой из-за того, что слишком долго сидит в Интернете, Зойка, может, и бросилась бы в эту дверь, но потом пожалела бы об этом. Потому что движущей силой характера каждого человека является любопытство.

А Зойкиного – в особенности! Тем более что заветная дверь в *нормальную* жизнь пока что не распахивается... Значит, надо попытаться приспособиться к жизни *ненормальной*. И для начала – внимательно выслушать все, что скажет Кость. Может, Зойка хоть что-то поймет в случившемся?!

– Мы подбросили тебе портрет Кошкодузы, пририсовав череп и кости, чтобы ты могла узнать ее, когда встретишь, и остерегалась, – говорил тем временем Кость. – Она смертельно опасна! На нее даже медальон не действует, ты сама видела! Мы именно ее нарисовали, потому что она здесь самая злая и хитрая, наверное, даже злее Матери Страха, и вдобавок самая умная. Мы хотели, чтобы ты была готова к встрече с ней. Но ты записки выбросила в мусорный бак, и Кошкодуза послала Зверопалого дочиста обшарить бак, чтобы ты ничего не нашла, если вдруг спохватишься и начнешь искать наше послание. Зверопалый постарался как следует, его пальцы все сожрала...

– Мусорщики потом говорили, что контейнер будто вылизали! – воскликнула Зойка, вспомнив мамин рассказ.

– Могу себе представить! – засмеялся Кость. – Зверопальцы – они обожают мусор!

– Самое обидное, что к тому времени я уже поняла: это были не просто дурацкие бумажки, как мне сначала показалось, – продолжала Зойка, решив оставить на потом все непонятки насчет каких-то зверопальцев какого-то Зверопалого. – Я и правда хотела мусорку обшарить, но было уже поздно.

– Мы знали, что ты спохватишься! – сказал Кость. – Спыхватишься, вспомнишь знак на руке Старшей Кости...

Зойка зажмурилась и слабым голосом попросила:

– Сделай сноску. Ну, как в книжках – если что-то непонятное, то автор поясняет.

Кость кивнул:

– Я понял. Я видел ваши книги. Сноску так сноску! Ты, конечно, уже поняла, что я тебя по ноге нарочно ударил. Ты извини... Я даже не думал, что так больно будет. Но обязательно нужно было, чтобы ты попала в травмпункт!

– Значит, тот доктор нарочно сделал знак BES на руке, чтобы я его заметила и вспомнила потом, – сообразила Зойка.

– Да, этот доктор – один из Старших Костей Бестиария – надеялся, что ты заметишь знак и вернешься. Сначала у нас был там портал! Прямо в его кабинете! Мы хотели тебя через этот портал к нам провести, когда время настанет. Но потом в травмпункт пролезли Мертвый Труп и Кошкодуза, и доктору пришлось срочно уходить. Нам со Старшей Костью, который изображал моего отца, – тоже. Портал закрылся. Конечно, мы знали, что в твой дом тоже проберутся Страх и Мать Страхов и будут всех убеждать, что нас никогда и в помине не было. Но мы ничего не могли тебе объяснить, ты сама должна была до всего додуматься и пройти испытания страхом. А жуткари стирали память у всех, кто нас видел, и надеялись, что ты ни о чем не догадаешься, что они тебя запутают или запугают. А твою память не сотрешь, ты им не по зубам, ведь тебя оберегал медальон Бестиария!

– А все эти жуткари за мной гнались, чтобы медальон отнять? – спросила Зойка.

– Они гнались за тобой, чтобы тебя прикончить, – спокойно сказал Кость.

Впрочем, Зойка от его слов тоже не слишком-то разволновалась, потому что во время бегства и сама до этого додумалась.

– Ты для них страшный враг, а нам ты нужна, потому что Бестиарию без Вершины Ярости никогда не справиться с жуткарями, – продолжал Кость. – Мы думали, что все пропало... И тогда пчела Чертополоха нам помогла. Зверопалый, конечно, чуть не взбесился от страха. Он ужасно боится, что его прикончат жуткари, потому что пчела со всеми нами, с частями Бестиария, дружит. Ну а Чертополох – он такой... ну, он цветок, сама понимаешь, что с него возьмешь! Хоть и с колючками, а все же розовый и пушистый. Он против своей пчелы никогда

бы не выступил. Она для него самое дорогое, что есть на свете. И он потребовал, чтобы Зверопалый выпустил пчелу к людям. А Зверопалый – он сам по себе не злой, просто он Кошкодузу до смерти боится. В конце концов пчела улетела без всякого разрешения и самовольно открыла временный портал на вашей лестнице. Обычные порталы людям не видны, а временные имеют красные очертания фигуры Бестиария. Открыть портал просто – надо из нашего мира пройти в ваш. Пчела прошла – то есть пролетела. Тогда Зверопалый с перепугу Чертополох прогнал, выбросил его через портал вслед пчеле, но когда жуткари возвращались после погони за тобой, они его подобрали и притащили с собой. Теперь Чертополох и пчела наказаны...

– Ой, погоди, – слабым голосом пробормотала Зойка, хватаясь за голову. – Все еще больше запуталось. Я что-то плохо соображаю сегодня.

Кость промолчал, и Зойка похолодела. Только теперь она осознала, что перед ней не обыкновенный человек. Не мальчишка. Обыкновенный мальчишка обязательно отреагировал бы на ее слова. Она ляпнула: «Я что-то плохо соображаю сегодня». Он просто обязан был съехидничать: «Неужели только сегодня?»

Одно непременно должно следовать за другим, это связано, как чихание и «будьте здоровы», это что-то настолько обязательное в нормальном человеческом разговоре, что подразумевается само собой!

Кость не сказал, и Зойке стало прямо худо.

Конечно, он предупредил, что он Кость, что не из мира людей, но она только сейчас это осознала.

Ну ладно, осознала так осознала. Надо собраться с силами и все это как-то пережить.

– Давай с начала! – немного подумав, попросила Зойка. – С самого начала! Вот как мы встретились на площадке и... Пожалуйста, давай все по порядку!

– Я ж говорил, это сложно объяснить, – вздохнул Кость. – Старшие лучше смогли бы рассказать, они вас, людей, лучше понимают, а я...

Кость осекся и куда-то уставился. Его и без того бледное лицо побледнело еще сильнее. И он прошептал:

– Ладно, тебе потом кто-нибудь объяснит. А мне, кажется, конец.

В голосе Кости не было ужаса, не было даже тревоги – было спокойствие, обреченность спокойствия. И лицо оставалось спокойным. Только светлые глаза стали темными, и Зойка поняла, что они потемнели от ненависти.

Зойка обернулась поглядеть, куда он смотрит.

И у нее даже дух перехватило, потому что к ним приближались Страхов, его мамаша и кошка. Вернее, Страх, Мать Страхов и Кошкодуза. Она единственная из всех не менялась, у нее была все та же глупая кошачья морда, лапы и прочие атрибуты, к которым Зойка уже привыкла, но те двое...

Мудрено было узнать прежнего доктора! Его облик постоянно менялся. То брел, заплетаясь звериными лапами, получеловек с волчьей пастью и настороженно торчащими ушами. То тащился серый, испещренный черными гнилостными пятнами мертвец в истлевших остатках савана. То приближался бледный, как полотно, вампир с синими щеками и окровавленными губами и длинными острыми зубами, которые не помещались во рту. То плелся невероятно худой, словно обтянутый кожей зеленовато-болотного цвета скелет, человек, у которого была крошечная детская голова и огромные глаза и рот с высунутым алчным языком. То плыло в воздухе кроваво-красное пятно. То появлялось что-то бесформенное, черное, колышущееся, перемещающееся по земле не на ногах, а на каких-то присосках, с хлопаньем и тихим, но пронзительным повизгиванием, от которого мучительно звенело в ушах.

Зойка потрясла головой, пытаясь избавиться от этого звона, и тут Страх вновь преобразился! Теперь он сделался неким чешуйчато-панцирным существом с головой кобры. И в то же время в этой безносой голове с маленькими рубиново-красными глазками было нечто челове-

ческое. Да и тело можно было бы назвать человеческим, если бы не эта чешуя с хитиновым блеском.

При взгляде на Страха Зойка неожиданно вспомнила один из самых пугающих случаев в своей жизни. Однажды они принесли из магазина большую гроздь бананов. Когда мама отломала один, из грозди вывалился большой, нет – огромный черный таракан и заметался по полу кухни.

Потом они узнали, что эти экзотические твари попали в магазин в коробках с тропическими фруктами.

Таких тараканов ни Зойка, ни мама никогда не видели, поэтому неудивительно, что они дружно заорали и так же дружно вскочили на табуретки, с ужасом глядя на это усатое, головастое чудище с глазами-шариками, которые, казалось, глядели на хозяйку квартиры с ненавистью. Да и они им тоже не любовались, а только нетерпеливо ожидали мгновения, когда этот членистоногий (Зойка, у которой в стрессовых ситуациях всегда обострялось мышление, мигом вспомнила, к какому классу, роду или виду, не суть важно, принадлежат тараканы) шмыгнет куда-нибудь с глаз долой. Главное, подумала Зойка, заметить, куда именно он забежал, в какую щель под плинтусом, чтобы там залить его морилкой и потом входить в кухню без опасения, что чудище вновь выскочит и выпучит на тебя гляделки.

Зойка так старательно вытягивала шею, пытаясь высмотреть пункт тараканьей эвакуации, что вдруг потеряла равновесие и свалилась с табуретки. Ударилась коленками об пол, а правая ладонь... правая ладонь пришлось как раз на таракана.

Таракан даже не хрустнул, а влажно хлюпнул. Раздавленный хитиновый панцирь превратился в кашу, смешанную с беловатой жижой, которая брызнула маленькими капельками Зойке на плечо.

Как она заорала!!! Она была почти в обмороке, когда мама, мигом взбодрившись от того, что чудище уничтожено и можно всецело отжаться помощи героической дочери, подняла ее, вымыла руки, обтерла плечо, перевязала разбитое в кровь колено и брызнула в лицо водой.

Зойка немножко очухалась. И мама, которая, как известно, была неисправимой оптимисткой, сказала, изо всех сил стараясь придать бодрость своему дрожащему голосу:

– Хорошо еще, что ты лбом не врезалась в пол! Точно сотрясение мозга было бы, пришлось бы «Скорую помощь» вызывать!

А Зойка подумала, что если бы она врезалась лбом в таракана, маме пришлось бы вызывать не «Скорую помощь», а похоронную команду.

Таким же сине-черно-зеленым тараканьим хитиновым блеском отливало чешуйчато-панцирное тело Страха. И Зойка вдруг отчаянно захотела иметь правую ладонь такой величины и тяжести, чтобы ею можно было превратить Страха в хитиново-белесую кашу.

Зойка бы даже пережила, если бы эта гадость брызнула ей на лоб – такая ненависть к жуткарю в ней сейчас вспыхнула!

– Подожди, еще рано, – пробормотал едва слышно Кость, – еще не злись так сильно, ярость тебе еще пригодится. Будь осторожна! И береги медальон! Он тебя защитит, если что.

С этими словами он быстро пошел навстречу жуткарям.

– Мальчик мой, – проворковала Мать Страхов, выступая из-за спины сына. – Дитячко...

Вот кого Зойка точно не узнала бы! Сгорбленная старуха с неприятным выражением изморщиненного лица, какой была мамаша Страхова, превратилась в некое подобие трех грязно-белых раздутых грибов-навозников, взгромоздившихся один на другой. Примерно так лепят снеговика: самый большой ком внизу, потом поменьше, а самый маленький – голова. Тут все было наоборот: внизу самый маленький ком, вверху – самый большой, с обвислыми щеками и кровавой щелью рта.

Ох, какая противная пыль валит из таких грибов, когда стукнешь по ним палкой! Как мерзко сморщивался лопнувший навозник – будто большая белая дохлая лягушка. Бр-р,

гадость! В Шульпановке, в деревне, куда Зойка с мамой иногда ездили навестить прабабушку, их было как грязи, и местные пацаны просто обожали швырять их городской девчонке в голову. Мама говорила, что это у них способ ухаживания такой. Ну, нравится им Зойка, вот они это и демонстрируют как могут. У нее же нет косичек, за которые можно подергать, чтобы выказать ей свое расположение!

В этом году Зойка ехать в Шульпановку отказалась, но, как назло, подлинный облик Матери Страхов оказался именно грибной!

А может быть, и правда назло? Может быть, она знала, что Зойка ненавидит эти мерзкие грибы?

Так же, как Страх знал, что Зойку не напугать вампирами и мертвецами (насмотрелась на них в кино!), а вот тараканы могут заставить ее визжать от ужаса...

Своими тонкими, слабыми, кривыми ручонками, похожими на веточки, воткнутые в снеговика, Мать Страхов волокла уже знакомую Зойке охапку гипсовых бинтов. И эти бинты вдруг сорвались с ее рук и бросились на Кость!

В одно мгновение он оказался обмотан с ног до головы многочисленными аккуратными белыми витками. Виднелись только глаза, которые начали выкатываться из орбит. Зойка поняла, что Кость задыхается и сейчас умрет!

И она будет на это спокойно смотреть?!

Но что она может сделать? У нее же нет никакого оружия!

Как же, нет! Есть, еще как есть!

Зойка сорвала с шеи медальон и не раздумывая швырнула в троицу жуткарей.

Что-то вспыхнуло. Красные слепящие огоньки заплясали по телам чудовищ. Раздался оглушительный трехголосый вой. Бинты на теле Кости начали обугливаться и падать наземь.

Кость высвободил руки, сорвал бинты с лица, со всхлипом вздохнул и крикнул хриплым, измученным голосом, полным такого ужаса, что у Зойки ну вот самым натуральным образом встали волосы дыбом:

– Что ты наделала! Беги! Спасайся!

И такой это был крик, что Зойка, которая всегда предпочитала обходиться без посторонней помощи и без чужих, пусть даже и полезных, советов, послушалась.

Она сорвалась с места и понеслась куда глаза глядят по улице – пустынной и безжизненной.

Зойка решила скрыться в каком-нибудь доме. Попыталась открыть дверь одного подъезда, другого, перебежала от здания к зданию, но напрасно – все подъезды оказались заперты. На них не было никаких признаков домофонов, а значит, невозможно набрать номер какой-нибудь квартиры и крикнуть:

– Откройте! Помогите, спасите!

Да и кого звать на помощь в городе, где нет людей?

Скоро Зойка обнаружила, что дома напоминают огромные театральные декорации: они были не каменными, не панельными, а как бы сделанными из картона или тонкой фанеры. Они качались от цоколя до крыши, когда Зойка ломилась в подъезды и долго потом еще, когда она отбегала, дом покачивался и вибрировал, пока снова не замирал – внешне нормальное здание, обыкновенная серая семиэтажка, а на самом деле декорация.

Зойка очень скоро устала от своих бессмысленных метаний от двери к двери, у нее уже ноги подкашивались, она собралась остановиться и передохнуть, но крики жуткарей начали приближаться.

Зойка обернулась и обнаружила, что все они живы и... Нет, добавить «и здоровы» было невозможно, потому что их тела оказались обуглены, а нижнюю часть Матери Страхов вообще прожгло насквозь, так что она влачилась по земле, будто белая тряпка, которой только что протерли очень грязный пол. Нет, ну совершенно точно – лопнувший гриб-навозник!

Самостоятельно передвигаться отвратительная мамаша теперь не могла, и ее, подхватив под тощенькие ручонки, волокли Страх и Кошкодуза.

Все они пострадали, конечно, но не перестали преследовать Зойку.

Бинты – тоже почерневшие, обгорелые – корявыми скачками передвигались за жуткарями и тянули за собой какую-то черную кругляшку на цепочке. Присмотревшись, Зойка поняла: это все, что осталось от медальона.

Итак, Кость был прав – Зойка пожертвовала своим единственным оружием напрасно. Наверное, эти трое жуткарей и в самом деле настолько сильны, что медальон, который остановил превращение людей в зверообразных чудищ, оказался против них бессилён.

Нет, не бессилён, не напрасно Зойка бросила медальон – ведь она спасла Кость!

Но где же он? Убежал? Ему удалось скрыться?

Кажется, Страх умудрился прочесть ее мысли. Ужасное змеиное лицо его расплылось в довольной ухмылке, а потом он показал Зойке... кость.

Самую обыкновенную – не слишком большую. Зойка в анатомии была полным нулем, раньше все кости для нее были отвлеченным безликим понятием, да и теперь не имело значения, как эта кость называется, лучевая или, там, локтевая.

Главное, она сразу поняла: это не просто кость – это Младшая Кость Бестиария, он снова в руках врагов!

Выходит, Зойка и медальон погубила, и Кость не спасла.

Но предаваясь самобичеванию, стоя вот таким раскаявшимся столбом и тараща испуганные глаза, Зойка вряд ли Кости поможет. Надо где-то спрятаться, все обдумать, сообразить, что делать дальше. Поэтому она снова помчалась по улице, снова ломилась то в одну запертую дверь, то в другую – и вдруг одна из них распахнулась!

И дом не покачулся. Он не был декорацией – Зойка все же нашла настоящий дом!

Она даже отпрянула, не веря удаче, но позади раздался злобный мяв – наверное, Кошкодуза испугалась, что добыча ускользнет.

Ощутить себя *неускользнувшей* добычей Зойке хотелось меньше всего на свете, поэтому она вбежала в темный подъезд, захлопнула за собой дверь и принялась шарить вокруг в поисках какой-нибудь палки, которой можно закрепить дверь, чтобы чудища ее не сразу открыли.

Впрочем, через секунду Зойка перестала заниматься этой ерундой. Во-первых, никакой палки не было. Во-вторых, она вспомнила, с кем имеет дело. Это не тройка разбойников с большой дороги – это жуткари, а с их невероятными способностями Зойка уже имела случай познакомиться. Они все равно рано или поздно ворвутся в подъезд, так что не стоит терять время, надо подняться как можно выше по лестнице (она нащупала клетку лифта, но кнопки не светились – значит, лифт не работал), войти в какую-нибудь квартиру, забиться в укромный уголок и начать придумывать план действий. Пока, в этой постоянной беготне и бесчисленных стрессах, Зойка не могла сосредоточиться и как следует обмозговать ситуацию. Она действовала под влиянием минуты, а это влияние не всегда правильное. Вот бросила в жуткарей медальон – а зря! И их не уничтожила, и Кость не спасла, и единственной своей защиты лишилась.

Зойка побежала вверх по лестнице, касаясь перил и радуясь тому, какие они обыкновенные на ощупь: потертые, немножко шершавые там, где содралась краска, – ну совсем как у них в подъезде! И пахло совсем как в их подъезде – немножко мусоропроводом, немножко пылью, немножко мокрым половиком у дверей Валентины Ивановны. Валентина Ивановна была свихнута не только на аномальных явлениях, но и на чистоте и по нескольку раз в день прополаскивала половик, на который волей-неволей наступали все жильцы, поднимавшиеся к почтовым ящикам между первым и вторым этажами: ведь половик был большой и лежал у самой лестницы, его невозможно было обойти.

Еще пахло – совсем не страшно! – кошками: обыкновенными ничейными кошками, которые понятия не имели о зловещих превращениях, а просто забредали иногда в подъезд и кормились тем, что подавали добрые люди.

На площадке между первым и вторым этажами, как раз где Зойка задела плечом невидимые в темноте почтовые ящики (они висели на том же месте, что и в ее подъезде!), ей ударил в нос другой запах – какой-то странный, сладкий и душноватый. Этот запах ей о чем-то напомнил, вот только никак не вспоминалось о чем.

Ладно, сейчас не до воспоминаний, вперед и выше!

Между третьим и четвертым этажами рука, скользкая по перилам, вдруг наткнулась на что-то острое, и Зойка аж зашипела от боли, поняв, что поранилась до крови.

Самое обидное, что именно на этом месте у нее была ранка, которая ну вот только-только зажила. У них в подъезде тоже торчал гвоздь в перилах между третьим и четвертым этажами. Кто его вбил, неизвестно, и кому следовало его по долгу службы вытаскивать – тоже неизвестно. Большинство народу ездило на лифте, и натыкались на этот гвоздь только неудачники вроде Зойки, которые вечно волокут руки по перилам, надо или не надо.

Зойка лизнула царапину, чтобы не кровоточила. Точно так же она зализывала ее несколько дней назад. И вот второй раз наступает на те же грабли – вернее, натывается на гвоздь в перилах. Правда, и гвоздь другой, и перила другие, но...

Гвоздь другой? Перила другие?

Зойка быстро, перескакивая через ступеньку, домчалась до пятого этажа и дальше пошла медленней, трогая прутья перил. Первый, второй... третьего нет...

Она мрачно кивнула сама себе в темноте.

– Четвертый, пятого нет, шестой, седьмой, восьмого нет! – протараторила Зойка, как таблицу умножения, и перебрала прутья для проверки.

Так и есть! У них на лестнице между пятым и шестым этажами тоже нет прутьев. Их выбили, когда волокли пианино к Сапожниковым. Лифт в тот день не работал, поэтому грузчики несли пианино на каких-то поясах, чуть не надорвались, кое-где покорежили стены, выломали прутья – да так и не вставили.

И здесь не вставили.

И гвоздь в перилах там же, где у них.

И мокрая тряпка на площадке первого этажа.

И кошками несет, как у них, и еще чем-то сладковатым пахнет между первым и вторым этажами, возле почтовых ящиков...

Откуда такое точное сходство? Что все это значит?

Зойка в своем подъезде, вот что это значит!

Как она туда попала? Не важно! Надо скорей забежать к себе! В свою квартиру! Шестой этаж, дверь сразу направо! Спрятаться там и...

И очень глупо, охладила себя Зойка. Родной дом – это первое место, где жуткари будут ее искать.

А ведь это уже было с ней сегодня, вдруг вспомнила Зойка... Она уже пыталась увести жуткарей от своего дома, только это было в той, реальной, былой жизни.

Может быть, и в этой безумной стране жуткарей все же удастся спастись?!

Лаз на чердак, вспомнила Зойка. Вот путь к спасению! Он закрыт на замок, но скоба, к которой замок привешен, держится на одном гвозде. Ее никак толком не приберут, и это очень здорово! Зойка снимет скобу и переберется через чердаки в другой подъезд. А потом...

Ладно, что она будет делать потом, надумает потом.

Зойка промчалась мимо своей двери. Ужасно хотелось коснуться ее хотя бы кончиком пальца – так богатыри в русских сказках касаются земли-матушки, чтобы получить заряд бод-

рости и силы, – но Зойка побоялась расслабиться и все же пойти домой. А за ней войдут... Нет, нельзя!

Она миновала свою площадку и уже поднялась по двум-трем ступенькам к седьмому этажу – да так и замерла, услышав возле запертого люка мусоропровода какие-то странные чмокающие звуки...

Легко было при свете дня или даже вечером в своей уютной комнате, в своей постели хихикать над Юлечкиными дурацкими страшилками, но первое, что ей пришло в голову, это что девочка в платице черном, чавкая, ест коня между шестым и седьмым этажами. Вопросом, как в многоквартирном доме мог оказаться дохлый конь, Зойка задаваться не стала.

Возможно, конечно, это была не знаменитая девочка, а два не менее знаменитых мальчика в платицах черных, которые ели друг друга, – тоже чавкая. Правда, в Юлечкиных страшилках указывалось другое место трапезы – за старой уборной, а не около мусоропровода, но Зойке сейчас было не до географических тонкостей.

«Бояться стыдно!»

Ну да, было здорово стыдно, и все же Зойка, не чувствуя ног, слетела по лестнице на шестой этаж и совершенно инстинктивно, подобно любому существу, которое ищет спасения в своей норе, ударилась всем телом в дверь своей квартиры.

Мелькнула ужасная мысль, что она должна быть заперта, а пока нашаришь ключ, носители черных платиц могут найти себе более вкусную и свежую пищу, чем тухлая конина, но... но нет – дверь мягко подалась и открылась.

Зойка бросилась вперед – однако через пару шагов замерла.

Теоретически она переступила порог родного дома. Но ощущения дома у нее не было никакого! Пустота, темнота, полное беззвучие. И отсутствие запахов, которые должны этому родному дому сопутствовать.

Должно было пахнуть немножко едой, лавандовой антимолью из большого старого шкафа, стоявшего в прихожей, немножко обувью, не слишком аккуратной кучкой сваленной в стойке под зеркалом... Мама всегда ругала Зойку, что она не убирает свою обувь, но и сама бросала свою как попало, а потому в стойке вперемишку валялись осенние сапоги – зимние мама все же убрала, – туфли, кроссовки, босоножки и домашние тапки обеих обитательниц квартиры.

Должно было немножко пахнуть мамиными духами, пыльным ковриком, который Зойка забыла пропылесосить, увядшими цветами (на день рождения маме две недели назад подарили чудесный букет, он уже засох, но выбросить его было жалко и маме, и Зойке) – да чем угодно могло пахнуть, но всяко ощущался бы живой дух человеческого дома!

А Зойка словно бы стояла на пороге какого-то пустого мертвенного пространства.

И она поняла, что это не ее дом, и подъезд не ее.

Это просто ловушка, обманка, западня, в которую ее нарочно заманили, создав видимость родной обстановки. Ее заставили расслабиться, а потом напугали отвратительными чавкающими, жующими звуками, вызвав к жизни те кошмарные видения, которые сами собой рождаются у каждого человека, когда он оказывается в темноте, даже если ему стыдно бояться.

Кому-то чудятся крадущиеся шаги, кому-то – вкрадчивый неразборчивый шепоток, кому-то – затаенный вздох, кому-то – легкое движение тянущейся к нему прозрачной, призрачной руки или мертвенно-бледное лицо, прикинувшее к окну. У Зойки вот в мозгах завязли – спасибо подружке Юлечке! – пресловутые мертвожоры в черных платицах, поэтому именно они ей и примерещились. И она ринулась в другую западню, которая распростерла ей свои объятия.

Что ждет здесь? Неизвестно. А потому надо выбираться и отсюда!

Зойка шатнулась назад, но наткнулась спиной на дверь, которая сама собой захлопнулась, и как Зойка ни билась в нее, как ни пыталась открыть, все было бессмысленно. Да и не дверь это была – на ее месте возникла глухая непрошибаемая стена.

Зойка изо всех сил прижала руки к сердцу, словно умоляя его не биться так громко. Это был единственный звук в темной тишине. Зойка раньше даже не подозревала, что ее сердце стучит так громко. Этот грохот выдавал ее присутствие всем тем, кто ждал ее в этой квартире-западне, а в том, что кто-то ждал, можно было не сомневаться – иначе зачем бы ее сюда загнали?!

Она стояла, как ей казалось, ужасно долго, и сердце постепенно начало утихомириваться, а может быть, Зойка просто привыкла к его грохоту. Так или иначе, оставаться на месте надоело, и она решила сделать шаг, потом другой, ведя ладонью по стене, чтобы хоть за что-то держаться в этой ужасной пустотище и темнотище, иметь хоть какую-то опору и пытаться ориентироваться.

Ориентироваться пока особо было не по чему – стена оказалась гладкая, без зазубрин и коварных гвоздей. Но вот пальцы нашарили что-то – какую-то округлость, на ощупь пластмассовую.

Да ведь это выключатель! А вот и кнопочка посередине, на нее надо нажать – и загорится свет!

Зойка так устала от темноты, что сначала надавила на кнопку, а потом задумалась, чем ей это может грозить и что может произойти.

Как это ей там снилось? Кнопка начнет пить из нее кровь? Или Зойку оплетут ужасные щупальца?

Но ничего не произошло.

Вокруг постепенно начал разливаться свет.

Был он бледным, холодным, голубоватым, словно сияние полной луны. Углы оставались темными, на полу лежали тени, но все же было ясно видно, что Зойка находится в просторной комнате с окном, за которым царил глухая тьма.

Откуда же проникает свет?

– То светит луна над могилой твоей!
Нет, ты не откроешь в былое дверей,
Нет, ты не вернешься обратно домой,
Сожру с удовольствием трупик я твой! —

послышался чей-то мурлыкающий голос, и Зойка узнала голос Кошкодузы. Мигом вспомнился стишок на двери кабинета в травмпункте. Уж не она ли его сочинила?..

Раздался ехидный, полный нескрываемого торжества смешок Кошкодузы...

Зойка метнулась подальше от темного угла, из которого слышался голос.

Да... западня сработала, Зойка в нее угодила с классической глупостью и доверчивостью. И теперь она в полной власти жуткарей. Страха, Матери Страхов, Кошкодузы, Мертвого Труса, какого-то Зверопалого, о котором упоминал Кость, и всех прочих.

Неведомо, сколько их тут соберется или уже собралось, затаившихся в этих темных углах, в любой миг готовых выскочить оттуда!

Выскочить – и растерзать Зойку...

Или высосать из нее кровь глазами-червяками, или до смерти зажалить медузой бахромой, или удушить гипсовыми бинтами, или превратить в какую-нибудь местную мерзость со звероголовой, змеешей, птицетелом, лягушколапами и насекомонагами. И ничто ей не поможет. Медальона, который мог бы ее защитить, у нее больше нет.

Медальона с надписью BES, что означает – Бестиарий...

И внезапно Зойка вспомнила, где раньше слышала это слово! Ну да, о бестиариях рассказывала Мадам Жужу! На уроке французского в какой-то сказке попало незнакомое слово *bestiau*, «бестье», что означает – скот, скотина. И Мадам Жужу, которая просто обожала – хлебом не корми! – забивать головы учеников всяким мусором, не имеющим отношения к школьной программе, немедленно сообщила, что это устаревшее слово, оно осталось от древней латыни. По латыни *bestia*, «бестия», – зверь. В Древнем Риме бестиариями называли гладиаторов, которые сражались с дикими зверями. Теперь это слово обозначает только сборник описаний мифологических животных, а в прежнем значении не употребляется, уточнила Мадам Жужу.

«Если не употребляется, зачем нам его знать?!» – подумал тогда коллективный мозг шестого «Б» класса, и очень возможно, что нашелся бы отважный человек, который рискнул бы выразить вслух общую мысль и нарваться на крупные неприятности, но, к счастью, прозвонил звонок и можно было ничего не слушать, а вскакивать, орать и бежать на перемену.

Зойка тогда злилась на Мадам Жужу вместе со всеми, но сейчас готова была обнять ее и расцеловать, если бы вдруг оказалась дома.

Но, похоже, это ей не светит. Ей, судя по песенке Кошкодузы, предстоит скоро умереть, если не поможет Бестиарий.

Поможет, должен помочь! Ведь Зойка – Вершина Ярости! Она Бестиарию зачем-то очень нужна – до такой степени, что ее нашли в мире людей и хитро выдернули оттуда.

Значит, он спасет Зойку! Нужно его позвать на помощь!

– Бестиарий! – крикнула Зойка, и ей показалось, что в окне затеплилось какое-то живое сияние, словно там занимался рассвет.

Да, там всходило солнце! И оно медленно, но верно вытесняло из комнаты блеклый и неживой лунный полусвет.

Зойка подскочила к окну и увидела, что оно выходит на неподвижный, мертвый город. Пустые улицы, слепые, безжизненные окна...

Посреди города находилась площадь, на которой возвышалась фигура человека в кожаной набедренной повязке, блестящем панцире и высоко зашнурованных сандалиях. На голове у него был шлем.

Площадь располагалась довольно далеко, но Зойка видела все с необыкновенной отчетливостью. Человек очень напоминал Максимуса Децимуса из фильма «Гладиатор», только это был великан метра три ростом! В руке он держал серебряно блестящий меч и разил им сонмище невероятных чудищ, которые наступали на него со всех сторон.

У него был только этот меч – и небольшой круглый щит в левой руке. Щит сверкал, будто был покрыт бриллиантами, и красноватые огоньки мерцали на нем, слагаясь в три буквы – ВЕС.

«Так вот ты какой, цветочек аленький!»

Так вот он какой – Бестиарий...

Все на свете вампиры, оборотни, демоны, ведьмы верхом на метле, крылатые гарпии, ожившие мертвецы со страшным оскалом черепа, огромные мохноногие пауки, омерзительно прозрачные призраки, гигантские мухи-убийцы, обезумевшие деревья, роботы-человеконенавистники с лазерными автоматами, пышные подушки с ужасными зубами, которыми они загрызают людей насмерть, трехглавые змеи, смертельные вихри с головами чудовищ, какие-то черные кресты с вылетающими из перекладин молниями, монстры-жуткари с ужасным сочетанием частей тела и прочая неисчислимая нечисть, какую только возможно вообразить и какую вообразить невозможно, – все эти твари нападали на Бестиария, одновременно атакуя с боков, снизу, с воздуха.

Ни Страха, ни Матери Страхов, ни Мертвого Трупы среди нападавших не было, а может быть, Зойка их просто не могла разглядеть в этом сонмище чудовищ.

Меч словно бы летал вокруг мощного тела Бестиария, враги падали сраженными, разрубленными на части, лопнувшими, но тотчас поднимались – и вновь и вновь нападали на неутомимого воина.

Зойка догадалась, что видит битву, которая идет всегда, длится все время, пока существует мир, – битву добра со злом. В ней нет победителей и нет побежденных, эту битву никто не выигрывает и никто не проигрывает, хотя каждая сторона стремится к победе и готова ради нее на все.

Иногда враги наваливались на Бестиария всей сворой, и он падал, но, расшвырвав чудовищ, все же поднимался – и бой начинался вновь. Иногда какая-нибудь особенно проворная и хищная тварь впивалась в его тело и вонзала в него зубы. Ручьями лилась кровь из ран, но Бестиарий словно не чувствовал боли.

Битва продолжалась, и неведомо, сколько времени смотрела на нее Зойка: может быть, минуты, может быть, часы, а может быть, дни или годы, – однако ей постепенно стало казаться, что героический воин менее точно разит врагов своим мечом и, когда его сбивают с ног, поднимается медленней, чем прежде. На теле его зияли кровавые раны...

И вдруг Зойка увидела, как три гарпии вцепились в левую руку Бестиария, которой он держал щит, и вырвали из тела кость с ключьями мышц, всю в дымящейся крови. Тут же гарпии бросили кость на землю, где ее подхватило какое-то круглое многоногое существо вроде черного осьминога, сунуло под мышку и куда-то помчалось, но Зойка не видела куда, потому что Бестиарий закричал от боли, и крик его был так мучителен и ужасен, что Зойка отпрянула от окна и скорчилась на полу, зажав уши.

Она снова потеряла ощущение времени, была почти без сознания от жалости и собственного бессилия.

С трудом удалось справиться со слезами.

Было жаль и Бестиария, которому она не может помочь, и себя, которой не придет на помощь Бестиарий. Ему не до нее! Вон как он ранен. И сколько вокруг него чудовищ!

– Никто не придет, это верно, – послышался мурлыкающий голос Кошкодузы, и Зойка увидела ее совсем рядом. – Никто, кроме нас. А мы уже пришли, милая девочка. Мы уже тут!

Она повела своими отвратительными лапами по сторонам, и один из углов, в котором только что царил темнота, осветился, как будто луна переместилась туда и полностью залила его своим мертвенным сиянием.

Не Страх, а просто Страхов – совершенно такой, каким он был в травмпункте, без малейших признаков змееголовости, панцирности, чешуйчатости и без этих своих выдвижных глазок (вот только зеленоватая врачебная роба была кое-где прожжена!) – сидел на полу, скрестив ноги, и надувал какой-то белесый мяч.

Уж, казалось бы, много чего повидала Зойка за последнее время, но все же она не поверила своим глазам, разглядев, что Страхов надувает, будто воздушный шарик, тот потрепанный, прожженный «гриб-навозник», который служил нижней частью тела Матери Страхов!

Ее верхняя и средняя части были в полном порядке, глаза закрыты, ручки повисли. Она словно бы крепко спала, окруженная смиренно лежащими гипсовыми бинтами.

«Может, сдохла? – с ненавистью подумала Зойка. – И бинты сдохли?»

Но Страхов подмигнул с таким выражением, что Зойка поняла: надежда напрасна!

– Видишь, как я люблю свою мамочку? – спросил Страхов невнятно, продолжая придерживать губами край белесой мамашинной оболочки. – А ты свою мамочку любишь?

Зойка не могла слова вымолвить.

– Конечно она меня любит, а то как же? – послышался мамин голос, и она выступила из другого угла, тоже осветившегося по мановению Кошкодузиных ласт.

Это была мама-лиса, с руками, нет – с шерстяными лапками, прижатыми к груди, с хвостом и коварным выражением остроносой лисьей морды. Ее ноги оканчивались коровьими копытами.

– И я ее люблю, Зойку-Зоиньку свою... зайку-заиньку! – сказала мама – ночной кошмар и облизнулась длинным красным языком, показав мелкие, необычайно острые зубы.

Никогда мама не называла Зойку ни зайкой, ни зайнкой, никогда не смотрела на нее с таким видом, словно готова сожрать и косточки обглодать!

Зойка сразу поняла, что мамин облик приняла Мать Страхов – вылезла из своей белесой навозной оболочки и притворилась мамой! С визгом отшатнулась она от чудища и кинулась куда-то, сама не зная куда, только бы не видеть родное и любимое лицо, ставшее жадным, кровожадным, чужим, опасным!

Доктор Страхов хохотал вслед, мурлыкала-заливалась Кошкодуза... К счастью, ни маминого, ни лисьего смеха слышно не было, не то Зойка, наверное, разревелась бы в голос, разрыдалась бы в три ручья и лишилась бы последних сил, а силы ей, конечно, еще понадобятся.

Легко догадаться, что жуткари ее в покое не оставят.

Что еще предстоит увидеть, чему еще ужаснуться?

Ответ не заставил себя ждать...

Из темноты к Зойке приближались шаги. Кто-то двигался тяжело, приволакивая ноги, словно башмаки спадали с него, а он пытался их удержать.

И вот в лунном свете показался, волоча ноги и придерживая боты, норовившие удрать, «электрик Петров», вернее, Мертвый Труп. Одной рукой он придерживал веревку, свисавшую с шеи, другой держал какой-то деревянный обломок с торчащим из него гвоздем и с явным наслаждением облизывал этот гвоздь.

Зойка пригляделась и обнаружила, что это был не просто обломок – это был кусок перил с гвоздем, на который она буквально вот-вот, недавно напоролась пальцем.

Это ее кровь обсасывал и облизывал Мертвый Труп! А когда все вылизет – что сделает?..

В это самое мгновение Мертвый Труп отбросил обломок, чуть не пришибив Зойку, и, обратив свои закатившиеся глаза к доктору Страхову, требовательно пошевелил пальцами, как бы требуя еще кровушки.

Страхов насмешливо покосился на Зойку, словно хотел проверить: понимает ли она, что он может в любой момент отдать ее Мертвому Трупу?

Она понимала. Она отлично понимала, что ей отсюда живой не выйти.

Но неужели ничего невозможно сделать? Она ведь Вершина Ярости!

Только бы понять, что это означает и что Вершина Ярости способна совершить...

– Вот, возьми, дружище, – приветливо улыбнулся Страхов, вынимая из кармана робы небольшую кость и швыряя Мертвому Трупу.

Кость! Это он!

Зойка хотела броситься вперед, отнять Кость у Мертвого Труса, но тот и сам разочарованно отшвырнул подачку и простонал:

– Да он уже дохлый! Мне бы свеженького мяса!

Кость отлетела в угол, растеклась бледной красноватой лужицей и вскоре исчезла, как будто впиталась в пол.

Зойка поняла, что никогда больше не увидит своего бывшего соседа. Ни в виде человека, ни в виде кости Бестиария.

– Теперь только красненькая водичка от него осталась, – равнодушно подтвердил Страхов. – Как увидишь капельки – это привет от твоего приятеля. Хотя вряд ли ты успеешь что-то увидеть.

И он захохотал.

Мертвый Труп требовательно завыл.

– Погоди чуть-чуть, Трупик, сейчас Зверопалый тебе покушать принесет, – ласково промурлыкала Кошкодуза, и в это мгновение Зойка услышала какие-то странные звуки.

Что-то шлепало, что-то тащилось из темноты, причмокивая и причавкивая.

– Эй, не ешь, оставь мне! – взвыл Мертвый Труп, а Кошкодуза так и закатилась заливи-стым мяуканьем:

– Не бойся, он не посмеет твой кусок тронуть! Разве ты забыл, чем он питается? Ерундой всякой, мусором!

В полосу лунного света не то вошло, не то вползло, не то вкатилось какое-то круглое существо, напоминающее черного осьминога, только вместо щупальцев у него было четыре лапы: две сверху, две внизу. У каждой лапы было по десять длинных пальцев, однако вместо ногтей на них сидели маленькие звериные головы.

Зойка сразу поняла, что именно это существо Кость называл Зверопалым, и догадалась, почему он говорил об этом жуткаре без всякой ненависти.

Зверопальцы были похожи на детский пальчиковый театр и выглядели довольно забавно и беззлобно. Крошечные крокодильчики, львы, собаки, обезьяны, воробьи гримасничали, болтали тоненькими голосами, пели, хохотали, чирикали, бранились – и все что-то грызли: конфетные фантики, веточки, хлебные корки, фольгу от чипсов, траву, огрызок яблока... Да, эти обжоры и в самом деле способны были дочиста вылизать мусорный контейнер в Зойкином дворе!

А может быть, это Зверопалый недавно чавкал около мусоропровода в призрачном подъезде, а никакие не девочки-мальчики в платьицах черных?

Значит, Зойка напрасно перепугалась. Перепугалась – и влетела в ловушку-квартиру... Бояться тут совершенно нечего, ведь этот уродец довольно симпатичный. У него грустные темные глаза и курносый нос. Его даже погладить хочется по черной матовой, как бы резиновой коже.

Но что это он держит под мышкой? Кость... человеческую кость, покрытую клочьями сырого мяса!

А ведь Зойка уже видела Зверопалого! Там, на площади видела. На площади, где израненный Бестиарий сражается против чудищ.

Это Зверопалому бросили три гарпии кость, которую вырвали из тела Бестиария! И он ее притащил сюда!

А Зойка еще хотела его погладить!!!

Она отпрянула с отвращением, а Мертвый Труп жадно выхватил кость Бестиария у Зверопалого.

Черный уродец брезгливо сплюнул, левой верхней лапой смел с себя кровавые ошметки и поглядел на кость с таким же отвращением, как Зойка.

Зойка заметила, что на одном его пальце нет никакой зверюшки – он обмотан гипсовым бинтом.

Бинт Матери Страхов! Наверное, Зверопалый сломал палец, и его загипсовали, чтобы вылечить.

Или... Или загипсовали, чтобы наказать?..

Кажется, Зойка поняла, что там, под гипсом! Преступники – Чертополох и его пчела.

Они пострадали за то, что привели сюда Зойку, а значит, попытались помочь Бестиарию. Живы они или уже задохнулись в тисках засохшего гипса?..

– Наконец-то я поужинаю как следует! – перебил ее печальные мысли Мертвый Труп. Он поднес кость Бестиария к глазам и разглядывал ее, дрожа от жадности.

«Да чтоб ты подавился!» – от всего сердца пожелала ему Зойка.

– Давай-давай! Жри его скорей! – прошамкала мамаша Страхова (это была снова старушонка-санитарка в белом халате), выбираясь из грибов и расталкивая их ногами, которые окан-

чивались коровьими копытами. Гипсовые бинты, доселе смиренно дремавшие, ожили и потянулись за ней. – Пусть полюбуется Вершина Ярости!

– Вершина Ярости! – захохотал Страхов. – Нашли Вершину! Да эта маленькая дурочка сейчас умрет от ужаса! Смотрите!

Теперь он стал медведем на липовой ноге, на березовой клюке. Тем самым медведем, который попался в капкан и смог выбраться оттуда, лишь когда лапу себе отгрыз.

Лапа осталась в капкане.

Охотник вытащил ее, принес домой и отдал жене. Та содрала с лапы шкуру, постелила на лавку, чтобы мягко было сидеть, мясо поставила варить – да и затеяла пряхть медвежью шерсть.

А медведь тем временем сделал себе липовую подпорку для ноги, взял березовый сук вместо палки – и лунной ночью пошел искать свою ногу по деревням, громко скрипя по снегу деревяшкой, вглядываясь в окна избушек и напевая:

Скирлы-скирлы-скирлы...
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит,
На моей шкуре сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

Это была самая страшная сказка из Зойкиного детства. Это было самое страшное ее сновидение. Страх перед этой старой сказкой она стыдилась больше всего на свете!

Но сейчас... после того как она столько нагляделась, испытала столько опасностей, этот выдуманный, сказочный медведь уже не мог ее напугать, как не может напугать потертый плюшевый мишка.

И Зойка вдруг почувствовала, что ее больше вообще ничего не может напугать. Она ощутила прилив неистовой злобы, невероятной ярости! Она презрительно оглядела четверку жуткарей. Страх, Кошкодуза и Мать Страхов даже отпрянули, встретившись с ее взглядом, а рука Мертвого Трупа разжалась – и кость Бестиария упала на пол.

– Что ты наделал, дурак!.. – взревел было Страх, но тотчас умолк, словно подавился.

Ударилась кость об пол – и обратилась доктором... тем самым рыжим доктором из травмпункта, который так замечательно вылечил Зойкин палец. Только теперь он был не здоровенный, рыжий, веселый, а худой, бледный, седой и совершенно изможденный, и лицо у него было измученное, вот только на костлявой руке оставалась прежняя татуировка: BES.

Стоять он не мог – едва нашел в себе силы приподняться над полом.

– Вершина Ярости, – слабым голосом проговорил доктор, нет – Старшая Кость Бестиария, как называл его бывший Зойкин сосед Костя Константинов, Младшая Кость. – Вершина Ярости, я умираю... Но мне не страшно, потому что ты здесь, ты присоединишься к нам – и мы победим жуткарей!

– Пока она еще с нами, а не с вами! – злобно и в то же время униженно твякнула Мать Страхов, словно побитая гиена. – И ты знаешь, что мы можем с ней сделать!

– Вы ничего не можете с ней сделать, – возразил Старшая Кость. Нет, Зойке все же привычнее было называть его доктором! – Вы можете просто морочить ей голову жутью, порожденной вами. Но погубить ее вам не удастся, потому что у нее отважное сердце! Она может испугаться на какой-то миг, но она стыдится своих страхов. Она не поддается им, она их

преодолевают! Таких, как она, мало среди людей. И даже среди детей, которые очень любят бояться, потому что бесстрашны по сути своей и боязнь доставляет им радость, таких мало. Я сначала не понимал, почему именно она избрана Вершиной Ярости, но когда она без малейших сомнений пожертвовала медальоном, своим защитником, чтобы спасти Младшую Кость Бестиария, мне все стало ясно. Она ненавидит страх, ненавидит те муки, которые он причиняет, а значит, она ненавидит тех, кто наводит на людей страхи!

– Это мы-то наводим на людей страхи?! – возмущенно завопила Мать Страхов. – Да мы сами – создание человеческого воображения! Даже я, хоть и зовусь Матерью Страхов, не могу сама породить ничего пугающего – мне нужен врожденный людской страх, как дрожжи тесту! Страх перед темнотой и неизвестностью, страх перед тем, что может таиться в ночи, страх перед шорохом ветра в сухой листве и светом луны над кладбищем. Люди появились на свет со страхом в своих низких душах, а мы – мы, жуткари – их порождение, мы только лелеем этот их страх, поддерживаем его, взращиваем, кормим им новых жуткарей. Мы связаны с людьми такими тесными узами, что разорвать их невозможно! Люди сами любят бояться. Разве это мы создали Кошкодузу? Нет, ее однажды кто-то нарисовал: какой-то человек запечатлел свой страх. Это мы придумали девочку в платьице черном, которая жрет дохлого коня? Нет, это какой-то человек запечатлел свой ужас перед странными звуками в темноте. Мы оживили мертвецов и заставили их бродить по кладбищам и нападать до глупых прохожих? Нет, их оживило воспаленное человеческое воображение! Мы заставили волков обращаться в людей? Нет! Это сделали они сами – люди! Люди боятся всего: и реального, и выдуманного! Они не видят разницы между тем и другим! Они боятся тараканов – и населяют мир чудовищами в панцирях. Они боятся змей – и их воображение порождает трехглавых драконов. Они боятся даже безобидных коз и коров, поэтому у их демонов ноги оканчиваются копытами!

И она, словно в доказательство, потопала своими копытами.

– Люди сами отдают нам, жуткарям, свои души на растерзание, – замяукала и Кошкодуза. – Ни одно привидение не напугает человека, если тот не готов его увидеть. Ни один вампир не вопьется в горло человеку, если тот не готов сам превратиться в вампира... которого выдумали люди, до жути боящиеся летучих мышей!

Мать Страхов и Кошкодуза злобно захохотали, им вторили Страх и Мертвый Труп.

– Да, это так, – тихо сказал доктор по имени Старшая Кость. – Все жуткари – плоды трусливого человеческого воображения. Но Бестиарий хочет избавить людей от страха перед несуществующим, перед воображаемым! Бестиарий тоже создан людьми. Мы состоим из того же материала, что и вы: из человеческих чувств и устремлений. Но если вас создал страх, если вы – олицетворение подсознательного ужаса, то Бестиарий воплощает собой бесстрашие и свет разума, попытку людей понять мир и объяснить его. Подобно тому, как бестиарии Древнего Рима сражались со зверьем, наш Бестиарий сражается с монстрами, порожденными человеческими страхами перед непонятным, непознанным. И когда он победит, все пугающее исчезнет. Ведьмы и оборотни, ожившие мертвецы и вампиры, привидения и подушки-людоедки – все, все они канут в небытие, они будут забыты, забыты навсегда! Люди будут жить в мире, полном света и покоя! Исчезнут ужасные ночные кошмары! Но пока Бестиарий не может победить. Он должен исполниться такой ненависти к страху, чтобы разом покончить со всеми его проявлениями. Для этого нужна ты – Вершина Ярости. Как только ты присоединишься к нам, мы победим. И я верю, что ты, в отличие от других, дойдешь до конца!

– В отличие от других? – удивилась Зойка.

– Да, история человечества длинна... многие бесстрашные были удостоены чести зваться Вершиной Ярости. Но они не могли проникнуть в этот мир. Жуткари ухитрились погубить их, свести с ума, убить. Тебе повезло, что у тебя нашлись союзники! Теперь ты здесь. И ты сможешь Бестиарию добиться победы!

– Но разве я смогу? – растерянно спросила Зойка.

– Сможешь – ведь таков выбор судьбы, – сказал доктор, Старшая Кость Бестриария. – Тебе предстоит смириться с этим выбором и помочь нам – или предать нас своими сомнениями. Начнешь сомневаться – и все кончено, страх победит человека. Но ведь ты хочешь, чтобы человек победил свой страх?

– Да! – крикнула Зойка. – Хочу! Бояться стыдно! Бояться глупых выдумок позорно!

Ее голос зазвучал так громко, так сильно, так великолепно, что всех жуткарей от одного его звука размело по углам. Зойка с презрением смотрела, как они там шевелятся во тьме, словно полураздавленные мухи. Она чувствовала в себе необычайную ярость. И эта ярость росла по мере того, как солнце за окном светило все ярче и ярче.

– Идем скорей, – позвал доктор. – Следуй за мной!

Его костлявое тело на глазах наливалось мощью, здоровьем. Это опять был прежний могучий доктор с большими, ловкими, сильными руками. Он уже не полулежал на полу – он смог подняться и сделать несколько шагов к окну, за которым вовсю сияло солнце.

Зойка последовала за ним и с радостью увидела, как окреп Бестиарий, который продолжал свой бой. И теперь перевес был на его стороне! Непроглядная черная туча чудовищ, реявшая над ним еще недавно, изрядно поредела – мертвые, обугленные тела уничтоженных жуткарей валялись у ног Бестиария.

– Мы их победим! Мы сотрем их с лица земли! О них забудут все! Никто не вспомнит о них! Никогда! – прокричал доктор.

Бросившись в окно, он мгновенно, подобно стреле, достиг Бестиария и слился с ним.

Теперь настал черед Зойки. Свет, исходящий Бестиарием, сияние его серебряного меча и сверкающего щита слепили глаза. Сейчас она станет частью этого света! И она принесет ему победу!

Зойка отвернулась на мгновение, чтобы бросить последний уничтожающе-презрительный взгляд на жуткарей, которые так и не смогли одолеть ее своими страхами...

И вдруг увидела, что Зверопалый плачет.

Разноцветные слезы лились из его круглых черных глаз и стекали по гладкой, будто бы резиновой голове. И все зверопальцы – львы, крокодильчики собаки, обезьянки, птицы, – все они тихо, обреченно плакали, уткнувшись в лапки, лапы, плавники, крылышки, хвостики. Они даже перестали жевать!

Зверопалый утирал слезы загипсованной лапой, и Зойка вспомнила, что и кто там находится. Там Чертополох и его пчела, наказанные за то, что помогали ей. Как радовались они, когда встретились, как бросились друг к другу... А Зойка, увидев их, вспомнила Дюймовочку и эльфов и как мама говорила, что эльфы превратились в бабочек, стрекоз и пчел.

Эльфы... они тоже создание испуганного человеческого воображения? Кто-то увидел, как ночные бабочки порхают над цветами, испугался – и придумал эльфов? Или придумал без страха, восхищенно? Интересно, эльфы тоже исчезнут, когда Бестиарий с помощью Зойки – Вершины Ярости победит всех чудовищ? Жалко... А может, они все-таки останутся? Они ведь красивые и совсем не страшные.

И хорошо, если бы остался домовой, который живет в Шульпановке в доме прабабушки. Зойке он не показывался, но прабабушка уверяла, что раньше, когда прадед держал коня, домовый сивку очень любил и заплетал ему косички по ночам. И еще жалко картину, которая висит в прабабушкиной комнате. Там нарисованы русалки, которые ночью катаются в лодке по озеру и плетут венки из кувшинок. Мама всегда смеялась над этой «мазней», как она называла картину, а Зойка ее обожала. Она ее помнила всю жизнь, и русалок этих помнила, таких красивых, таинственных и нежных... если исчезнут русалки – а они ведь порождение страхов тех людей, которые боялись утонуть, – то, наверное, исчезнет и их изображение на картине?

А Гарри Поттер и Волдеморт исчезнут? И не будет ни любимой книжки, ни фильма, который еще любимей? А «Лев, Колдунья и платяной шкаф»? А сказки?!

То есть вообще все исчезнет?! Все непонятное, таинственное – а потому страшное? Исчезнет все самое интересное? Все, с чем в сказках борются храбрецы и от чего спасают красавиц, похищенных Кощеями Бессмертными и Змеями Горынычами?

Ну да, если не будет Кошеев и Горынычей, то не будет и храбрецов: ну зачем они, если не с кем бороться и побеждать? И сказка про Царевну-лягушку... она тоже исчезнет?

А про Бабу-ягу?!

Конечно, Зойка уже давно вышла из того возраста, когда читают сказки, но новое поколение, все эти первоклашки и детсадовики – они даже не будут знать, кто такая Баба-яга?!

«Избушка-избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!» – вспомнила Зойка.

Не повернется избушка, зови не зови...

Это ее почему-то доконало. Именно потеря избушки на курьих ножках вдруг оказалась самой страшной потерей. Зойка наконец осознала, что произойдет, когда Вершина Ярости присоединится к Бестиарию и он победит.

Да, страх исчезнет, да, мир будет светел, добр и прекрасен... как пустынная, чисто выметенная дорога в никуда. По обочинам стоят пыльные деревья, которые не отбрасывают тени – ведь тени тоже можно испугаться, и нет ветра, ибо он носит степных и песчаных демонов.

Конечно, это классно, что можно будет не бояться ходить ночью на кладбище, но... Но, наверное, ночь тоже исчезнет – ведь именно ночью рождаются самые страшные призраки и снятся кошмары. Исчезнет ночь – исчезнет луна, на которую воют оборотни, исчезнут звезды, откуда прилетают злобные пришельцы, останется только один сплошной день без тьмы...

Жизнь без страха – это, наверное, здорово, только разве это жизнь?! Во что превратятся люди, если перестанут бояться, а главное – преодолевать свой страх? Не умрут ли они от скуки?

Нет! Зойка не хочет, чтобы страх исчез! Он необходим человеку! Жизнь – это борьба. Не будет борьбы – жизнь умрет!

– Ага... – тихо промурлыкал кто-то рядом. – Я так и знала, что этим кончится!

Кошкодуза подкралась совсем близко и с умильным выражением заглядывала в Зойкино лицо. А она вспомнила, как Кость называл Кошкодузу самой злой, хитрой и умной. Да, Кошкодуза видела Зойку насквозь!

– Вершина Ярости не имеет права на сомнения и колебания, – раздался ее сладенький голосок. – Ты больше не Вершина Ярости! Бессмысленная битва Бестиария будет длиться вечно, ведь мы снова непобедимы!

– Как так? – удивилась Зойка.

– Да так, деточка! Ты по-прежнему в нашей власти. И теперь мы не будем тратить время, стараясь тебя напугать. Теперь мы тебя просто уничтожим! Сотрем с лица земли! Ты даже испугаться не успеешь!

И Кошкодуза захохотала. Ей вторили Мать Страхов, Мертвый Труп и Страх.

Не смеялся только Зверопалый. Все его пальцы с жалостью смотрели на Зойку, дергаясь в разные стороны, деля лапками, ручонками и даже хвостиками какие-то знаки. Чудилось, они хотят ей что-то сказать, подсказать...

И вдруг Зойка догадалась. Зверопальцы подсказывают ей, что надо бежать. Да поскорей!

Она оглянулась. Кошмарные гипсовые бинты тихонько смыкали смертельное кольцо. Они подкрались уже совсем близко.

– Убейте ее! – взревела Мать Страхов. Бинты бросились вперед, но Зойка успела увернуться.

Она схватила обломок перил, валявшийся на полу, и изо всех сил ударила... по загнутому пальцу Зверопалого!

Осколки гипса разлетелись в разные стороны, и Зверопалый радостно воздел палец, который оканчивался пышным цветком чертополоха.

Пчела взвилась с него, на миг зависла над Зойкой, взглянув ей прямо в глаза, а потом спикировала на нее так стремительно, что Зойка еле успела увернуться и кинулась бежать куда глаза глядят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.